

БИБЛИОТЕКА
ПРОЕКТА

БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

К. ВАЛИШЕВСКИЙ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НАЦИИ

◆

Библиотека проекта Б. Акунина
«История Российского государства»

Казимир Валишевский
Восстановление нации

«АСТ»

1909

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валишевский К. Ф.

Восстановление нации / К. Ф. Валишевский — «АСТ»,
1909 — (Библиотека проекта Б. Акунина «История
Российского государства»)

ISBN 978-5-17-103725-3

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. Книга знаменитого польского историка конца XIX – начала XX века Казимира Валишевского о первых Романовых – это блестящий образец салонно-будуарной историографии. Несмотря на внешнюю легкость изложения, сочинение К. Валишевского является результатом кропотливого труда автора в российских и зарубежных архивах. Книга изобилует красочными подробностями повседневной жизни двора русских царей и рассказывает о той подоплеке известных событий, о которой обычно умалчивала официальная наука.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103725-3

© Валишевский К. Ф., 1909
© АСТ, 1909

Содержание

Восстановление нации	6
Глава I	6
1. Украина	6
2. Смещение рас	7
3. Украинские казаки	9
4. Запорожские рыцари	11
5. Польская культура	14
6. Украинская проблема	15
7. Национальный и религиозный вопросы	19
Глава II	23
1. Победа плуга и реванш сабли	23
2. Две церкви и две культуры	25
3. Обращение к Москве	28
4. Хмельницкий	29
5. Великий проект Владислава IV	31
6. Катастрофа	34
Глава III	38
1. Страшный год	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Казимир Валишевский

Восстановление нации

Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства» издается с 2014 года

Разработка макета переплета – *Андрей Фerez*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством Shutterstock и свободными источниками

© В.Аkunin, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Восстановление нации

Глава I Польско-русская Украина

1. Украина

Украина, или Окраина, означает собою пограничную страну. Еще теперь русские называют таким же образом различные окраинные части своей империи: польские губернии, Закавказье, Среднеазиатские владения. В старину такое название служило, в частности, для обозначения обширного пространства с неопределенными границами, которое, развернув свои равнины по нижнему течению Дуная до Днепра и Дона, касаясь с одной стороны Карпат, а с другой простираясь вдоль Черного моря, представляло в одно и то же время нечто вроде нейтральной почвы между соседними странами и связующий пункт между Европой и равнинами Средней Азии.

По этому пути некогда азиатская жизнь проникала в европейский мир, и здесь-то именно два течения, цивилизация и варварство, явившись с того и с другого континента, встречались и сталкивались с ужасною силой. Этим путем с востока проникали на запад перелетные птицы, саранча, кочевые племена, монгольские армии и чума. С запада, с целью остановить варваров перед угрожаемыми очагами культуры, защитники цивилизации выходили на это поле битвы, где непрерывно встречались армии древности и современных эпох, начиная с Дария и Кира и до польских легионов. По словам одного поэта [А. Мицкевича], «на этой ниве, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошенной горячим дождем крови, выросла жатва печали».

Будучи пограничною страной, Украина часто меняла как свои границы, так и своих господ. Не имея исторически известных владетелей до водворения варяжских князей в Киеве, включенная позже, до Карпат и Дона, в состав Русского государства Владимиром (980–1054) в первой половине четырнадцатого века (1319–1333), она вышла из этой агрегации и досталась Литве. В следующем веке новый поворот судьбы снова переменял ее участь, и до взятия Константинополя турками она, открывая им доступ в Молдавию, Валахию и даже на берега Днестра, на всю огромную территорию между этою рекою, Днепром и Черным морем, увеличила собою владения Польши в литовско-польской федерации, которую создало вступление Ягелло во владение наследием Пястов. Во второй половине пятнадцатого века, северовосточная граница обеих стран находилась в ста пятидесяти километрах от Москвы! На юго-востоке прибрежные города Белгород, Очаков, Кочубей являлись польскими портами. Отправляя отсюда огромные транспорты хлеба в Грецию, они создали состояние большого количества польских фамилий: Бучацких, Ясловецких, Сенявских, владевших обширными соседними областями.

Между тем со второй половины того же века победоносное и разрушительное вторжение оттоманской державы положило конец этому много обещававшему возрождению. Заставляя постоянно отступать польскую оккупацию, оно ограничило ее на юге окрестностями Киева, Брацлава и Бара. За ними и до моря оно оставило вне власти султана лишь обширные степи, отныне совершенно некультивированные, так называемые «дикие поля» (*dzikie pola*), где только кое-где сохранились еще следы древних человеческих селений.

Еще позже, во второй половине шестнадцатого века, подъем польского господства и польской культуры обнаружился снова в тех же местах, никогда уже не достигая, однако, прежних размеров, и в это время название «Украйна» прилагалось вообще поляками к этой части их владений, но всегда в довольно общей форме. Официально это название появляется впервые в «конституции» 1530 года (*Volumina legum*, II, 1320); но позже им еще пользовались довольно неопределенно, когда говорили о «бесконечном пространстве» по ту сторону Случи и Мурахвы, в бассейне Днепра и Буга, до разделения водных путей с Донцом и «Очаковскими степями». В одних палатинатах Киева и Брацлава насчитывалось 2183 квадратных лье, но вместе с Черниговским княжеством в эту цифру включались часто и другие области.

Происхождение и этнический характер населения этой страны нелегко поддается определению. Легенда открывает там великанов, *viéletni*, *viélinianié* (великанов – по-русски, *wielki* – по-польски) и обров (*olbrzym* – великан по-польски и по-чешски). Шафарик находит тот же корень в названии «анты», которое дано было в Германии тому же населению.

В северной части страны, как менее дикой, это население, по-видимому, рано обнаруживало склонность к промышленности, но в то же время черты изнеженности и сибаритства выступали в нем очень заметно. Киевские женщины слыли кокетками и щеголихами, и Болеслав Польский, явившись в этот город в 1706 году на помощь русскому князю Изяславу, нашел там настоящую Капую. В царствование первых князей из дома Рюрика жизнь в этой стране производит впечатление постоянного праздника. В эпических песнях, относящихся к этой эпохе, воспеваются лишь пиры, за которыми восседал Владимир Ясно Солнышко и герои и героини этого эпоса отличаются не только храбростью, но и распутством; таков был Чурило Пленкович, настоящий тип воинственного донжуана, такова также жена Дуная, обнаруживающая удивительную ловкость в стрельбе из лука и вместе с тем умеющая унижить мужа и другим способом. Глубоко демократический дух, кажется, был свойствен этому нарождающемуся обществу. Противопоставленные герцогам и королям любимцы легенды всегда темного происхождения, сыновья мужиков и бедняки.

Единственным культом, царившим среди них до самого введения христианства, являлся культ силы. Позже, столкнувшись друг с другом, эти два принципа создают какую-то смешанную культуру, и Киев, эта эфемерная столица империи, основанной на насилии, и очаг интенсивной религиозной жизни, любимое место для оргий, где победоносные казаки семнадцатого века будут соперничать с варяжскими победителями десятого века, и центр паломничества, отразил в себе все эти различные настроения. Но вместе с нормандскою победою, предшествующею польскому завоеванию, в эту среду проникли и другие элементы: греки, шведы, датчане, поляки, немцы, евреи, болгары, и их наплыв, шедший неудержимым потоком, никогда не прекращался.

Каково же было местное коренное население, если таковое существовало, и какие отношения установились между ним и этими иммигрантами?

2. Смешение рас

Русские историки, весьма склонные признавать этническое единство этих областей с их отечеством, сами по большей части признают существование там в прошлом древнего народа, который должен был предшествовать нормандскому завоеванию и который еще теперь ярко выделяется в им же созданной общине. Этот народ по-прежнему занимает большую часть древней Украйны, половину Галиции и Буковины, Люблинскую губернию в царстве Польском, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии, часть губерний Ковенской и Минской, целые губернии: Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Область войска Донского. Он населяет также в значительной степени Воронежскую, Курскую и Херсонскую губернии. Институты этого народа встречаются, наконец, в губерниях

Саратовской, Астраханской, Самарской и Оренбургской. Называясь теперь малороссами, украинцами, русинами, черкасами, русинскими хохлами или просто русскими, представители этой расы могли быть связаны своим происхождением с легендарными племенами девятого века, *viélinianié* или обрами, о которых уже было упомянуто выше; они известны еще под именем дулебов в Западной Волыни, бужан на берегах Буга, тиверцев на Днестре или улечей, угличей при впадении этой реки в море, хорватов по соседству с Галицией, древлян в теперешнем Полесье, полян на Днестре и т. д. И таким образом Россия разделена на две части.

По мнению историков школы Погодина, одно из этих племен, отброшенное с юга на отдаленный север, к озеру Ильмену, по всей вероятности, восточного происхождения, основало Новгород, тогда как поляне выстроили Киев. С течением времени все племена того же происхождения разделились на три разные группы, хотя этнически и тождественные: русских юга, белоруссов и великороссов. Национальное единство должно было таким образом взять верх над видимой разноплеменностью. Но такой генезис является совершенно невероятным.

Название «русс» происходит, несомненно, от нормандского корня. Посланцы Олега в Константинополе – Имегальд, Руальд, Фарлов, Карн, Фрелав – не были, конечно, славянами. Норманны, завоеватели Новгорода и Киева, назвались здесь русскими так же, как они назвались шведами, англичанами или готами, и только их победа на севере, как и на юге, соединила на время, путем насилия, распылившиеся подчиненные народы, как позже, в двенадцатом веке, разложение империи Мономаха вернуло их к их первоначальной гетероморфии.

Были ли эти народы, которым норманнский цемент придал эфемерную прочность, общего происхождения и была ли их общность славянскою? И это не менее проблематично. В эпоху, предшествующую норманнской победе, Нестор не знает славян в окрестностях Киева. Он указывает, что они почти всецело сосредоточились в области Двины и Верхнего Днестра, Ильменя и Днестра, и последний историк, занявшийся этим вопросом, несмотря на крайне тщательное его изучение, Грушевский, не пришел ни к какому решительному выводу. Украина была заселена еще до того, как в нее проникли норманны, и это коренное население принадлежало к индоевропейской расе, – вот все, что он осмеливается утверждать, принимая только, как нечто вероятное, разветвление этих народов от славянского элемента.

Не менее вероятно и то, что с самого начала та историческая индивидуальность, которая потом стала Россией Петра, нашла в этой области свой первый центр; она тут сформировалась как нация и тут же оставила славные воспоминания и глубокий след особенного героя. Ценность этих фактов не может быть оспариваема. Позднейшее литовское завоевание, сопровождавшееся расцветом польской культуры, создало и другие, которых нельзя игнорировать, но для развития их не было достаточно времени. Киев не может отречься от своего русского прошлого, где блистали имена Владимира, Игоря и Ольги, являлось ли оно историческим или легендарным. Польская оккупация не дала ничего подобного этой чудесной эпохе, и если принять во внимание славные предшествовавшие события десятого века, победоносное возвращение русской власти в этот древний очаг должно было принять в семнадцатом веке характер реванша и законного возвращения своей собственности. Поляки могли бы согласиться с этим, нисколько не оскорбляя своего чувства гордости. Они в этой области сделали много, да и могут выставлять более основательные претензии в других местах. Что же касается вопроса, к какой семье принадлежали местные аборигены, деятельные или пассивные жертвы той долгой борьбы рас, которая продолжается еще и на наших глазах, – то это является проблемой, которая, вероятно, не будет разрешена никогда; ее важность, впрочем, очень преувеличена. Разве один польский ученый, профессор Краковского университета, не выставил гипотезу, что общею колыбелью всех славянских рас был центр современной России? И разве его соотечественники побили его за это камнями? По этой

гипотезе даже поляки берегов Вислы или Варты происходят оттуда же. На берегах Днепра русские и малороссы боролись веками против ненавистных им ляхов (поляков), видя в них ярых врагов своей национальности. А по словам Ростафинского, первые ляхи, известные нам, были русские.

В начале семнадцатого века, в ту эпоху, к которой следует обратиться, чтобы собрать об этой спорной стране менее проблематичные данные, Польша уже начала распространять в ней свое господство, причем юго-восточные границы ее владений обозначались рядом укрепленных городов: Остром, Киевом, Каневом, Черкассами, Белой Церковью, Брацлавом и Винницею, также как и военными пунктами в Василькове, Корсуни, Переяславле на месте прежних разрушенных крепостей. Дальше, в том же направлении, Бар и Хмельник представляли собой аванпосты в области вновь предпринятой колонизации. Еще дальше и до самого Черного моря, через теперешние губернии Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и южную часть губерний Черниговской, Киевской и Подольской, простирались «дикие поля», область почти пустынная зимою или населенная одними медведями (*ursi campestris*), выдрами, зубрами, лосями, оленями, антилопами, кабанами, дикими лошадьми и волками. Последние во время больших холодов, часто являвшихся губительными для остальных зверей, становились царями этой заповедной области.

В это время года нигде не видно было следа дыма, который указывал бы на какое-либо человеческое жилище, за исключением древнего Переяславского округа и нескольких полей и островов, затерянных среди болот по берегам Сулы и Псела, где существовали и прятались остатки одного из древних туземных племен, севрюки.

С возвращением весны картина менялась. В степи снова появлялась жизнь, и она покрывалась роскошною растительностью, которую так поэтически описал Гоголь, и в то же время начинали показываться люди. Какие люди? Сначала татары, великие скотоводы, которые покидали в апреле свои крымские улусы и приводили сюда огромные стада. За ними следовали турецкие, татарские и особенно армянские купцы, путешествовавшие караванами с изделиями Востока для рынков Польши, Литвы и Москвы, и встречавшиеся в пути с сольниками, или торговцами солью, направлявшимися в обратную сторону, в Крым, за товаром. Эти партии следовали проторенными с незапамятных времен путями, татары называли их «шляхами». За ними наконец появлялись казаки.

3. Украинские казаки

Являясь общим, как мы это видели, всем частям древней Польши и древней России, этот элемент принимал здесь различные названия, заимствованные ими обычно от мест их пребывания или стоянок: днепровских казаков, запорожских, т. е. прибрежных жителей по ту сторону знаменитых порогов, еще и теперь загораживающих течение реки низовских, или обитателей низов, около Черного моря, или просто казаков киевских, каневских, черкасских.

Состав этих групп был самый разнородный. Регистр пятисот казаков, составленный в 1581 году в Черкассах, содержит в их числе: двадцать москвичей, четырех молдаван, одного серба, одного немца и много поляков, из которых некоторые дворяне. Польские хроники той эпохи видят, с другой стороны, в этом космополитическом сброде преступников, вынужденных благодаря превратностям своей бурной жизни оставить отечество и спасаться в степь, чтобы жить там разбоем. Всякий, представлявший для них хорошую добычу, являлся их врагом, но так как между ними большинство были христиане, они нападали преимущественно на турок и татар.

Польские короли получают от них некоторые услуги, заставляя их оберегать окраинные места своих владений и препятствовать вторжению «язычников».

Но в более древнее время литовско-русские казаки, появившиеся в этих областях, часто объединялись с татарами для общих предприятий; между христианами и «язычниками» продолжалось смешение, создавалась близость, которая должна была сыграть большую роль в будущем деле Хмельницкого, и благодаря этому польза, которую могла извлечь Польша из этих помощников, являлась крайне сомнительною. В шестнадцатом веке действительно татарский элемент сильно уменьшился в большинстве шаек, благодаря чему укрепился там польский элемент, но последний внушал к себе мало доверия. Наделав ряд глупостей или потеряв свое состояние, молодые люди из хороших фамилий все чаще и чаще отправлялись искать приключений в украинской степи, если не предпочитали играть в казаков, т. е. исполнять ремесло бандита на своей собственной земле. У одного современного польского писателя мы находим такое выражение: «наши чаще ходили “казачить” в татарскую землю, чем татары к нам». И следуют имена, принадлежавшие к высшей аристократии.

И, тем не менее, разбойничество, особенно вначале, совсем не составляло единственного или даже главного источника существования этой части украинского населения. Казаки занимались им, одновременно прилагая свои силы и к более честному труду: к рыбной ловле, охоте, земледелию. Между пятнадцатым и шестнадцатым веками произошло глубокое изменение в политическом, социальном и экономическом положении древнего Киевского княжества: феодальная система заменила старый коммунальный режим во владении землею. Поэтому присоединение этой страны к Литве, а потом к Польше имело своим последствием эмиграцию в соседнюю степь не только негодных элементов, но и землепашцев, искавших более подходящего образа жизни для их нарушенных привычек. Название атамана, даваемое казаками их начальникам, служило в древности для обозначения хозяина-рыбака. Кроме того, зима вынуждала и самих разбойников покидать степи, где нечем было бы питаться, и загоняла их в ближайшие города или местечки. Многие из них имели там семьи.

Набеги крымских татар, увеличиваясь, не давали возможности подвергнуть какой бы то ни было мирной эксплуатации степь, и они-то привели позже к типу военной организации. Полуартельщики, полупромышленники, наполовину грабительские шайки, эти группы развивались, таким образом приближаясь к типу своеобразного братства солдат-разбойников. Их центром был один из островков Днепра ниже порогов.

Очень возможно, что, напоминая собою во многих чертах своих западное рыцарство, эта бытовая форма имела своими основателями польских дворян, вроде знаменитого Альберта Ласского, этого высокопоставленного лица, который употребил на подкладку своего плаща двести семьдесят три декрета об изгнании, которому он подвергся. Желая после того спастись от преследования, он принялся воевать в Молдавии, собрав вокруг себя случайных товарищей. Время возникновения этой бытовой формы неизвестно, так как на Днестре, как и на Дону, казаки не любили грамоты. Польские чиновники, старосты и воеводы соседних городов, без всякого сомнения, поощряли их, надеясь найти у них помощь против татар, и не обошлось, конечно, без участия и таких искателей приключений среди польско-русских вельмож, как, например, князь Дмитрий Вишневецкий (или Висневецкий – по польской орфографии), князь Богдан Рожинский или ряд претендентов на трон Молдавии, постоянно появлявшихся в этих местах.

Впоследствии они снискали себе покровительство польских властей, выражавшееся, как и в отношениях Москвы с донскими казаками, в посылке лошадей, боевых припасов и провианта. Старосты и воеводы даже более или менее открыто поддерживали походы казаков в мусульманские страны и в случае нужды давали им подкрепления, получая в обмен часть награбленной добычи или отряды для отправления всякого рода службы: стражи, конвой, вспомогательные войска для кампаний, в которых участвовала польская армия. Казаки стали представлять собой, таким образом, постоянные личные отряды некоторых из поль-

ских царьков. Но у казаков того братства, которое основалось по нижнему течению Днепра, появились вскоре другие честолюбивые замыслы.

4. Запорожские рыцари

Под именем Запорожья или Нижа в семнадцатом веке разумели самую дикую часть, *dzikie pola*, по обоим берегам Днепра, ниже устьев Орелы и Тясины и по ту сторону порогов. Громадные леса росли там по берегам реки, доставляя дерево для постройки флотилий казакам, а французскому инженеру Боплану, принятому на службу Польшею, кроме того материал для плотничьих работ в форте, предназначенном для наблюдения над смелыми плователями и для удержания их в определенных пределах.

Стан, возникший в этом месте, далеко не включал в себя всех украинских казаков. Оставив в стороне многочисленные группы, которые постепенно дошли до более или менее полного подчинения польской дисциплине и культуре, он выделился в особую дикую организацию, независимое военное братство под начальством и управлением выборных людей. Столица, или главный его пункт, называемый Сечью или Кошью – этимология этого названия остается неизвестной – располагался на одном из островов Днепра – той самой Хортице, где в 1557 году Дмитрий Висневецкий предложил свои услуги Грозному, думая поразить этим турок и мечтая в то же время о захвате Молдавии. Эта главная резиденция не была, однако, постоянной. Казаки любили перекочевывать с одного места на другое, и после долгих споров между ними создались другие Сечи, но ни одна из них не пользовалась таким значением, как первая.

В самую блестящую эпоху своего существования, между 1600 и 1770 годами, братство, или Кравчина, как оно само себя называло, заняло более или менее прочно пространство между Бугом и Днестром. Эта территория была разделена на паланки, вначале на пять, а потом на восемь, отвечая больше назначению стратегических пунктов, чем центров почти отсутствующей организации. Столица имела вид небольшого городка, укрепленного земляными насыпями и палисадами. Большие деревянные казармы без труб, называвшиеся куренями, служили казакам обиталищем. В каждом из них могло поместиться до ста человек в одном зале, меблированном только столами вдоль стен. Посредине спали казаки прямо на голой земле, причем каждому из них отдавалось пространство около трех аршин. Водворяя его здесь, казаку говорили: «Это тебе при жизни, а после смерти будет место покороче».

Все функции, и военные и гражданские, распределялись путем выборов первого января каждого года, на общем собрании, где рассматривались также самые важные вопросы. Для текущих дел собирались более мелкие собрания (сходки), составленные из одних важных чинов (старшин) и стариков. Внутренняя полиция куреней и администрация паланок, если таковая имела, состояла из советов, собиравшихся на местах, а во время походов военный совет соединял в себе все власти.

Избираясь, как все другие чины, только на один год, имея при этом право избираться каждый год, получая мандат, хотя и редко, несколько лет подряд, кошевой атаман представлял собой гражданского, военного и даже духовного главу коммуны. Он один управлял внешними сношениями дипломатического характера, утверждал выборы на все степени, руководил разделением между куренями земли, рыбной ловли, жалованья, провианта, доходов всякого рода и военной добычи.

В старшине находилось лишь четыре чиновника: атаман, судья, писарь и есаул. Главный начальник юстиции, гражданской и уголовной, судья заменял атамана в случае его отсутствия и в то же время занимал должность казначея. Есаул исполнял обязанности главного адъютанта атамана и министра полиции. Посланный в 1594 году императором для союза с Сечью против турок Эрик Лассота сообщает в своем дневнике, что его предложение

обсуждалось последовательно в двух заседаниях старшины и на общем собрании всех казаков, и решение, как ему показалось, всецело зависело от последнего собрания. Решившись принять предлагаемые условия, члены собрания бросали шапки в воздух, что служило у них знаком согласия, как у греков Гомера повязка, которою Калхас в таких случаях обвязывал свой шлем.

За исключением лошадей, оружия и военной добычи всё в Сечи принадлежало коммуне. Обеды были общие. Сотрапезники опускали деревянные ложки в большие чаши с кашей, наполняли свои ковши, тоже деревянные, из огромных жбанов, где водка чередовалась с медом и брагой. Из-за скудости доходов бедность являлась здесь законом, изгнав в принципе всякую роскошь в пище или в одежде. Случалось, что после какого-либо удачного набега какой-нибудь рыцарь Сечи, подобно Разину и его товарищам, появлялся в богатом турецком или польском костюме; но по обычаю, прежде чем явиться в курене, он должен был погрузиться в бочку дегтя, для того чтобы платье, надеваемое поверх грубой и грязной рубахи, потеряло всякое изящество.

В этой организации, созданной на демократических началах, корпоративной и коллективной, некоторые историки думали найти черты древних русских группировок эпохи веча, ведя отсюда к этническому родству обеих групп. Но следует заметить, что подобные частности обнаруживаются также в структуре большинства западных братств, и польское влияние чувствуется там с гораздо большей вероятностью.

Всячески восхваляемая и рекомендуемая как модель некоторыми специалистами, военная организация Кравчины, кажется, не оправдала такого к ней отношения. Презрение к смерти, смелость, соединенная с хитростью, неутомимость и крайняя подвижность – таковы были главные качества, обеспечившие успехи «запорожского войска». Заимствовав у поляков разные виды вооружения, казаки их постепенно оставляли, не зная, как с ними обращаться, удовольствовавшись саблей и мушкетом: несмотря на пресловутую известность, их артиллерия не сыграла ни разу решительной роли на поле битвы. До Хмельницкого они сражались по большей части ночью, особенно предпочитая неожиданные нападения, а днем шли форсированным маршем, причем появлялись внезапно там, где их менее всего ожидали. Захваченные в дороге в свою очередь, они прятались за импровизированными укреплениями, устроенными главным образом из находившихся у них многочисленных повозок. Но они еще более предпочитали плавать в море, «чтобы сшить огненную рубашку Стамбулу (Константинополю)», по гиперболическому выражению одной из их боевых песен, а более прозаически: «чтобы достать себе зипуны, разграбив базары на турецкой стороне».

Для этих экспедиций они садились в легкие челноки, так называемые «чайки», где могло поместиться от сорока до шестидесяти человек, очень похожие на неаполитанские фелюги и на длинные испанские барки. Шесть недель было для них достаточно, чтобы экипировать такой челнок, на постройку его шло крепкое дерево, одетое липовою корою и вымазанное дегтем. Два руля, впереди и сзади судна, и от десяти до шестнадцати пар весел придавали ему быстроту движения, с которой не могли сравниться турецкие галеры.

Эти экспедиции устраивались обычно ко Дню св. Иоанна. На восьмидесяти или на сотне чаек, вооруженные несколькими пушками, казаки выбирали темную ночь, чтобы обмануть турецкий караул у устья Днепра. Они выплывали бесшумно из густой и высокой чащи тростника, теперь еще покрывающего эту область; они достигали моря, скоростью превосходя преследующие их тяжелые суда, и в шестьдесят или даже в сорок часов достигали Анатолии. Оставив по два человека в каждой чайке, они проникали в какой-нибудь бережный город, зажигали его, собирали все, что им попадало под руку, и садились опять в лодки. Если при возвращении они находили отступление отрезанным, они маневрировали в море до приближения ночи, имея заходящее солнце позади себя: благодаря этому им уда-

валось сбить с толку своих ослепленных противников, взять на abordаж какое-либо их судно и обратить в бегство остальные.

Их подвиги в этом роде сильно преувеличены, и хотя они и вызывали восторженное отношение к своему геройству со стороны нескольких историков, все же легенда о султанине, смотрящем из окна своего дворца на преданные запорожцами огню и мечу предместья Константинополя, не соответствует исторической правде. На деле казаки проникли в Босфор только один-единственный раз, в 1627 году, и зажгли тогда деревню Усни-Киой, которая совсем не видна из Константинополя. В 1614 году они подступили к Синопу, но потерпели полное поражение.

Подвиги их на суше подверглись подобным же преувеличениям. В качестве разведчиков или помощников в партизанской войне они приобрели в семнадцатом веке европейскую известность, состоя на службе у императора Фердинанда II и способствуя поражению чехов, их братьев по расе, под Белой горой. Но как военная сила они сделались страшными лишь благодаря народным бунтам, которые они поддерживали довольно существенно, в качестве относительно дисциплинированного и обученного ядра. Им недоставало обучения для достижения настоящего мастерства в военном искусстве. Они создали для себя принцип жизни и долг чести из того состояния невежества и варварства, на которое их обрекали происхождение и образ их жизни. Честолюбие их было огромно, но оно руководилось крайне узкими и тривиальными понятиями. Одна из их *дум* свидетельствует об этом: казак, служивший при дворе Владислава IV, обратил на себя внимание польского государя своим воинственным видом. Тот предложил осыпать его почестями и даже обещал ему руку своей дочери, но, не зная, что со всем этим делать, казак просит только разрешения воевать с турками, чтобы привезти кучу пиастров в Сечь и иметь там возможность досыта напиться.

Этот идеал, чуждый всякой интеллектуальной утонченности, как и всякой моральной деликатности, плохо влиял даже на развитие известных военных доблестей. Он слишком благоприятствовал инстинктам грубого разгула. Под влиянием идей монастырского «порядка», который глухо проникал в конституции братства, казаки обрекали себя на безбрачие и должны были сохранять целомудрие. Другая *дума* рисует их неспособными даже различать пол или не знающими, как создана женщина. Увидев аиста, атаман наивно принимает его за молодую девушку. У казака нет другой подруги жизни, кроме трубки или войны и смерти. История набегов, в которых принимали участие эти суровые «рыцари», постоянно дает картины дикой оргии. Несмотря на повышенный тон и некоторые черты, обнаруживающие более благородные чувства – честь, веру, рыцарский героизм, – поэтические произведения украинских кобзарей были посвящены, как и сельских бардов с Дона, главным образом прославлению самых гнусных эксцессов.

Индифферентность по отношению к полу означала устранение всякого семейного чувства из этой среды. Серко, Ахилл Запорожья, был женат и имел двух детей, но так как женщин не принимали в Сечь, он виделся со своей женой лишь изредка. Казак по призванию должен был быть лишен очага и постоянного местожительства. «Он идет, куда хочет, и никто не плачет о нем», – говорит один поэт их вольницы. Коммунист, коллективист и особенно нигилист, он, в сущности, антисоциален. Довольно долго, хотя это и оспаривалось, он оставался, безусловно, чуждым также всякой идеи морали и религии. Если найдутся некоторые исключения в этом отношении, то они относятся не к индивидуумам, принадлежавшим к братству, а к лицам, от него оторвавшимся. В семнадцатом веке в Сечи не было церкви, и там не терпели ни одного священника. Встреча с попом даже за казацким станом считалась скверным предзнаменованием, одна *дума* в очень непочтительных выражениях говорит о запорожцах как о людях, которые так же неспособны отличить священника от козла, как церковь от скирды. Среди бури, угрожающей гибелью экипажу, герой одной баллады так советует своим людям: «Исповедайтесь милосердному Богу, морю и вашему атаману».

Церковная служба появилась среди братства только в позднейшую эпоху и под влиянием больше политических, чем моральных соображений. В семнадцатом веке яркий защитник православия, киевский митрополит Петр Могила, всенародно обзывал запорожцев неверующими, а самый красноречивый их защитник в польском лагере, Адам Кисель, признавался, что на них нужно смотреть как на *religionis nullius*. Даже в Москве во время переговоров с Эриком Лассотой, дяки приказа Внешних дел говорили: у этих людей совсем нет страха Божьего. Фактом наконец является и то, что в своих разбоях казаки также обходились с православными церквями, как и с католическими, а с другой стороны, приняв на себя миссию проповедника и смешивая при этом дело православной веры с казацкою независимостью, Иов Борецкий не мог добиться от рыцарей «Запорожья» материала для постройки колокольни в монастыре Св. Михаила, где он жил.

Таким образом, организованная Кравчина, в отношении цивилизации и колонизации, преследуемой Польшею в этой части ее обширных владений, представляла собой фактор, с которым нельзя было не считаться и который между тем представлял собой несомненно тормоз в этом отношении.

5. Польская культура

Последняя задача осложнялась целым рядом различных трудностей, вытекавших как из этнического состава местного населения, так и из различия исторических пережитков и национальных или религиозных его черт. Колонизация главным образом поддерживалась концессиями земель, которые отдавались польским правительством десятками квадратных лье своим слугам или любимцам, с обязательством заселять их и сделать ценными. Набор колонистов был обеспечен благодаря целой системе привилегий: полному освобождению от податей в течение от двадцати до тридцати лет; очень умеренному дальнейшему оброку; полному освобождению от юридической ответственности за преступления, совершенные в родной стране, и т. п.

В Польше в то время отсрочка податей допускалась, даже по отношению к подлежащей распашке земле, только на половинный предыдущему срок; барщина почти повсюду заменяла собою подати натурою или деньгами, а почва не была особенно плодородна. Наплыв эмигрантов был поэтому огромный. Боплан, несомненно, страдает какой-то галлюцинацией, когда говорит по этому поводу о волшебном нарастании деревень и городов среди этой пустыни. Он констатировал результаты последовавшей вековой работы. Польские писатели семнадцатого века пережили ту же иллюзию, говоря о сказочных богатствах, создавшихся в этих местах: чуть не в каждом поместье, по их словам, было до десяти тысяч голов скота, а медведи прямо объедались, разоряя многочисленные ульи. Отсюда получались также огромные состояния.

В 1620 году, после смерти князя Януса Острожского, оставленное им наследство насчитывало 600 000 дукатов, 400 000 экю, 29 000 000 флоринов наличными деньгами и двадцать бочек серебра в слитках. Таковы были сбережения украинского майората, состоявшего из восьмидесяти городов и 2660 деревень.

Но, подобно этому богатому магнату, большинство крупных концессионеров в этом месте были или русского, или русско-литовского происхождения и, смешиваясь с остатками туземного населения, привлеченные ими колонисты, даже если они прибывали из Польши, не принадлежали по большей части к польской национальности. Это были обыкновенно русины, т. е. другие представители той же этнической формации, с которой они снова смешивались после долгих мытарств.

Они принадлежали к древнему украинскому населению, русифицированному нормандским завоеванием и рассеянному потом благодаря татарскому, и турецкому нашествиям

с давних времен по всей славянской земле на север и на запад. Теперь благодаря превратностям их исторической судьбы они снова водворились на место первоначального жительства.

По берегам Вислы и Немана эти оторванные от своего корня люди сохранили еще черты своего происхождения. В 1491 году в Кракове еще печатались книги на славяно-русском языке; в московском Румянцевском музее сохраняется экземпляр рукописи Евангелия от четырнадцатого века за подписью одного горожанина чисто польского города Казимира, по имени Ивана Шапника Леонтиевича, русского по происхождению, пожертвовавшего эту книгу местной православной церкви.

До назначения, впрочем, Мячеславом Первым в 968 году латинского епископа христианская Польша была подчинена моравскому архиепископству Мефодия, а следовательно, греческому ритуалу. В семнадцатом веке, кроме Украины, она соединяла под своею властью другие части древней монархии Владимира, с населением того же происхождения; на левом берегу Днепра ее колонизаторские предприятия привлекли даже определенное число московских подданных, живших по бассейну Ворсклы, Сулы и Удая в согласии с дикими севрюками, о которых упоминалось выше, и не имевших в себе ничего польского. В эту помесь вмешался также и туранский элемент, и, хотя и представленный довольно слабо в эту эпоху, он прежде играл довольно значительную роль, судя по татарским именам большей части местности: Балаклея, Баладина, Берчады и т. д. Наконец несколько валахов и значительное число евреев и армян дополняли фонд, которым располагали для культурной работы носители польской цивилизации.

Без всякого преувеличения, результаты, полученные ими до середины семнадцатого века, свидетельствуют об усилиях, достойных большего внимания и являются прямо замечательными, особенно в западной части Волыни, где как раз сосредоточивались владения князя Острожского. Далее на восток жизнь прогрессировала значительно медленнее, и в 1625 году на 2812 квадратных лье, в палатинатах Киева и Брацлава, инвентари указывают лишь 1400 деревень с 545 280 жителями. Эта разница объясняется не только большей удаленностью от очага культуры, но еще и особенно присутствием в этой части земли, предназначенной для культивирования, того непокорного элемента, который из глубины Сечи простирал на всю соседнюю область тень самой беспробудной дикости. Стоя между основателями деревень и городов и организаторами вооруженных банд, сконцентрированных в степи, Польша должна была таким образом с тройной точки зрения – политической, социальной и экономической – встретиться с проблемой, разрешение которой оказалось ей не по силам.

6. Украинская проблема

Совершенно так же, как и московское правительство, в его сношениях с донскими казаками, так и польское правительство усмотрело сначала в Запорожье и в других казачьих группах Украины драгоценный материал, который мог быть пущен в ход против турок и татар как подходящий источник военных сил, но потом нашло в них источник тяжелых забот.

В 1578 году, желая установить хорошие отношения с Портой, ценою похода в Москву, Баторий думал уничтожить эти «вертепы разбойников». Но это было легче сказать, чем сделать, и, в конце концов, королю пришлось ограничиться паллиативом, в котором хотели обнаружить грандиозный план организации, настоящая цель которого заключалась в том, чтобы смирить украинскую милицию, обратив ее в регулярное войско на службе у республики. Но такая мера была лишь временной. Нуждаясь в поддержке против Грозного и имея кампанию лишь в перспективе, Баторий хотел прибавить к своим наличным силам 500 казаков и дал им в виде обещанной платы свою украинскую вотчину в Трахтемирове, где должны были устроить для них казарму и где хотели найти начало новой казацкой столицы.

Но вот и все; сама по себе идея не была новой; крестьяне королевских вотчин в Украине уже с начала века принимали участие во многих предприятиях, и этот новый опыт не был из наиболее удачных. Судя по дневнику одного секретаря Батория, казаки, приведенные королем в Московию, прославились лишь одним: покушением на изнасилование, смутившим сон государя. Эта горсть регулярных солдат совершенно не знала дисциплины, представляя собой простой сброд разбойников и, хотя король старался придать этой организации постоянный характер и самое широкое распространение, все же украинская проблема не была этим серьезно разрешена. Впоследствии, когда в дело вмешался знаменитый польский изгнанник Самуил Зборовский, татары и турки направили в Варшаву столько жалоб и угроз репрессий, что пришлось самим прибегнуть к репрессии, и в 1584 году, когда Зборовский был обезглавлен в Кракове, кровь более тридцати казаков, казненных в Лемберте в присутствии чауша, должна была послужить средством успокоения Порты.

Но и этого было мало. Чтобы упорядочить степь со всем тем, что было в ней противного порядку и миру, нужно было покрыть ее сетью крепостей, снабженных сильными гарнизонами. Необходимо было также уничтожить в соседнем Крыму этот очаг организованного разбоя, куда часто казаки переносили борьбу, но где еще чаще они изощрялись в самых гнусных своих проделках. Польша не была в состоянии вырваться из этого заколдованного круга, так как была ослаблена внутренними беспорядками. Но следует заметить, что сам Петр Великий не решался взяться за такое дело и завещал его, таким образом, Екатерине Великой. Республика употребляла лишь одни паллиативы и при этом обнаруживала печальную непоследовательность. «Регистрованным» казакам (так назывались казаки на службе у республики) она не всегда платила обещанное жалованье и, запрещая им набеги в соседние страны и грабеж, только толкала на них, не умея заставить себе повиноваться. Одинаково недовольные и никому не покорные, и те и другие влияли самым губительным образом на мирную часть населения, которую они посягали с ранних пор подчинить своей власти, игнорируя польские магистраты и оспаривая у концессионеров правительства владение некоторыми землями.

Республика решила тогда отделить доброе семя, посеянное ею в степи, от плевелов, выросших одновременно с ним, и задалась целью ограничить рост последних. Начиная с конца шестнадцатого века был издан ряд циркуляров, имевших целью воспретить казакам доступ в города и деревни, даже для покупки там съестных припасов; и наоборот, обитатели городов и деревень должны были оставаться в зоне их становищ. Но это оказалось положительно невозможным и внесло в эту среду, уже и так достаточно возбужденную, новую причину недовольства. Даже трудящаяся часть населения этой местности была готова к восстанию.

В принципе и в самом начале участь поселян в этой местности была достаточно удовлетворительной. В глазах барщинных крестьян Польши в эту эпоху Украина считалась Эльдорадо, и не без причины. Обширные вольности и другие льготы, дарованные контрактами колонизации, давали колонистам большую свободу и широкую возможность наживы. Все обязанности, наложенные на них, сводились лишь к некоторой подати, натурою или деньгами, и к некоторым обязанностям военного характера. Барщины там не существовало или она была крайне ограничена; в одном таком хозяйстве крестьяне обязаны были отработать три дня в году, а в другом восемнадцать деревушек показаны «не платящими ничего и свободными от всяких повинностей».

Общее для шестнадцатого века такое положение вещей, кажется, заметно не изменилось в следующем веке в коронных поместьях, в старостах. Что касается частной собственности, то она держалась только в южной области, более недоступной для земледелия. На северо-западе, напротив, после наплыва колонистов, сделавшего менее необходимыми меры предусмотрительности, начиная с 1620 года мы видим в волынских имениях князя Острож-

ского, что крестьяне обязаны были тремя или даже пятью днями работы в неделю, сверх разных натуральных повинностей. И, быстро развиваясь, эта система здесь, как и в Польше, довела до чудовищных размеров количество оброков и уплату податей натурою со стороны совершенно подавленных земледельцев; меры хлеба (*osyp*) и пары каплунов трижды в год; подати на улы (*oczkowe*), на рогатый скот (*rogate*), на рыбную ловлю (*stawszczyzna*), на пастбища (*spasne*), на сбор желудей (*zolendne*), на охоту (*dziesiecina*), на помол зерен (*suhomielszczyna*), и сверх того он должен был работать на собственника, так что крестьянину оставалось лишь урывками – не отдыхать, – но работать на собственном поле.

С другой стороны, свободная земля уменьшилась вместе с прогрессом колонизации, новые концессии захватили земли, уже отданные для свободной обработки, и распространили и на них режим барщины. Когда первые концессионеры заявляют о своем *jus primi possidentis* [право первого захвата], им противопоставляют отсутствие документов, доказывающих их права. Напрасно они ссылаются на конституцию, которая в 1659 году освободила владетелей от таких оправдательных бумаг: с того же года фаворит двора, палатин Брацлава, Ян Потоцкий, добыл себе привилегию требовать обратно *kaduki*, т. е. все вымороченные имения, за недостатком документов. И он пользуется этим правом.

С одной саблею в руке и с другими за спиной, казаки сопротивляются по большей части этому отобранию земель, и новые затруднения прибавились теперь к прежним. Остается еще указать на большую язву – *last but not least* – в польской колонизации: это эксплуатация очень большого числа поместий посредниками, по большей части евреями. В силу своей беззаботности или неспособности управлять непосредственно своими огромными *latifundia*, крупные украинские собственники прибегли к системе общих или частичных аренд, и можно себе представить, чем сделались в такой среде арендаторы израильского происхождения.

Нельзя даже приблизительно подсчитать число евреев, поселившихся в эту эпоху на обоих берегах Днепра. Нам приходится прибегнуть к указаниям, которые, однако, свидетельствуют о крайне быстром росте этого контингента: в Виннице, например, в Подолии, инвентари указывают пятнадцать подданных этой категории в 1569 году и семьдесят семей в 1604 году. К середине семнадцатого века евреи, эти первые жертвы казацких набегов, как кажется, кишели повсюду.

Повсюду они возбуждают к себе ненависть. Являясь кабатчиками, ростовщиками, купцами, евреи безжалостно эксплуатируют местное население. Но особенно они стали ненавистными в качестве арендаторов. В качестве такового еврей заменяет собою собственника во всех его правах. В одном контракте указано на то, что «светлейший синьор Авраам Шмойлович (*sic*) и его жена Рыкла, дочь Иуды», имеют право действовать при всех обстоятельствах *loco domini*. Таким образом, добытые ими права представляют собой на самом деле юрисдикцию без права апелляции как в гражданских, так и в уголовных делах. Происходя от литовского статута, *jus vitae* и *nevis*, правда, в Польше никогда не признавалось юридически, но оно было освящено обычаем. Закон 1768 года служит тому доказательством, ставя как раз своей целью положить конец этому злоупотреблению.

По благоразумию или просто благодаря инстинктивному отвращению «синьор Авраам Шмойлович» и его сородичи, кажется, не часто прибегали к мечу. Но они широко пользовались всеми остальными правами, доходя до эксцессов, которые должны были бы показаться невероятными, если бы они не были удостоверены многочисленными документальными данными. Говоря «о церквах, арендованных по всей Украине евреями», одна дума лишь воспроизводит то, что совершалось на практике. Факты показывают, что евреи облагали податью браки и крестины своих подчиненных, и для того, чтобы укрепить за собою это право, носившее название *dudek* или *posemszczyna*, они хранили у себя ключи от церквей!

Ужас перед режимом, который евреи возлагали на подчиненных им в хозяйственном и юридическом отношении людей, выражается даже в источниках польского происхождения,

и, конечно, не в Украине, где совсем не умели говорить по-латыни, были составлены в ту эпоху следующие стихи:

*Clarum regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum
Paradisum Iudeorum,
Et infernum Rusticorum.*¹

Тяжелая ответственность падает в этом отношении на польскую колонизацию. Тем не менее она нашла себе защитников, даже в Малороссии. Указывали на то, что сам Петр Великий не мог добиться порядка и благосостояния в этой стране, как только путем восстановления в ней власти польских сеньоров. Жестокость, отличавшая этих господ, являлась для украинского народа лишь отражением его собственного варварства, как и его попытки к восстанию являлись лишь следствием анархистского духа, вызывавшего и оправдывавшего неизбежные крайности. Польша, по мнению этих апологистов, явилась, напротив, жертвою излишней мягкости и терпимости, доходившей почти до наивности.

Эти указания содержат долю истины. Положение украинских крестьян, как оно ни было плачевно, являлось в XVII веке, в общем, более сносным, чем положение их товарищей по несчастью в других странах в то время, когда там царило рабство. Казаки, со своей стороны, пользовались здесь совершенно исключительным положением; как жалобы, так и мятежное движение всегда рождались в их среде. Наконец, как в области общественной, так и в частной, если не считать ряда случайных злоупотреблений и личных уклонений, польский темперамент никогда не обнаруживал ни большой строгости, ни уменья систематического применения какого-либо режима.

Несомненно, что политический и социальный кризис, случившийся в Украине с начала семнадцатого века, в котором потонуло польское владычество, имел своей причиной брожение казаков. Но во всех областях и при каждом режиме этот элемент положительно не подчинялся никакой дисциплине. Никогда его нельзя было приучить к полицейской организации. Повсюду, чтобы установить порядок и мир, приходилось его ограничивать или укрощать насильственными мерами, и в общем самый сильный упрек Польше в этой части ее исторической жизни состоит в том, что она не сумела опередить свою северную соперницу в употреблении необходимых мер расправы.

Применение к этой стране общих правил является бессмысленным. По своему географическому положению и по своей исторической формации она стояла вне всякого шаблона, и благодаря этому получились совершенно особые черты характера и нравов из этой смешанной амальгамы этнических индивидуальностей, сброшенных туда в одну кучу, как камни, приготовленные для постройки. К глубокой меланхолии, выраженной так ярко в его поэзии, и общей тенденции к безрассудным и отчаянным предприятиям присоединялись взрывы безумной веселости, в которой этот народ, находившийся в состоянии образования и обреченный на постоянно тревожную жизнь, искал забвения от пережитых лишений и ожидавших его впереди опасностей. На темном фоне этой печальной судьбы, постоянно угрожаемой новыми бедствиями, казацкая фантазия рисовала пестрые узоры. Между двумя нашествиями, турецким и татарским, сопровождавшимися ежедневными битвами и непрерывной тревогой, крики печали и горя сменялись взрывами радостного и удалого веселья. Обычная бедная жизнь деревень и местечек уступала место внезапным взрывам диких оргий в результате какой-нибудь очень богатой жатвы или исключительно прибыльного набега. Под руки с рыцарями, вчера одетыми в лохмотья, а теперь в шелк, появлялись на улицах

¹ Славное царство поляков – небо для знати, рай для иудеев и ад для крестьян.

их жены или любовницы, еще босиком, но с золотыми серьгами в ушах, отнятыми в каком-нибудь турецком гареме.

Все это создавало среду беспорядочно разнузданную, фантастическую, экстравагантную, в которой введение какого-либо порядка вещей, хотя бы только нормального, являлось чистым парадоксом и, представляя собой полную противоположность инстинктам, вкусам, привычкам и страстям населения, должно было натолкнуться на отчаянное сопротивление. Нет никакой необходимости объяснять это, как делают некоторые, воображаемым антагонизмом учреждений, противопоставляя польский индивидуализм туземному коммунизму. Принцип коллективизма очень слабо применялся всегда в Украине, в Сечи, где, как это мы показали выше, она была вызвана иностранным влиянием. Что же касается республиканского радикализма народных масс по берегам Днестра, то он был обязан своим происхождением исключительно полетам фантазии историков, которые его открыли. Конфликт был неизбежен между этим хаотическим миром и всяким правительством, которое стремилось бы подчинить его закону, каков бы он ни был. Но ни национальный вопрос, ни вопрос религиозный долго не играли никакой роли в этой борьбе, и когда эти вопросы оказались в ней замешанными, то лишь маскировали присутствие других интересов: честолюбивых замыслов и страстей, действовавших с гораздо более реальной силой. Эти вопросы только осложнили проблему, и вот почему необходимо указать ясно то место, которое они в нем занимали.

7. Национальный и религиозный вопросы

Остап Дашкович, каневский и черкасский староста в первой половине шестнадцатого века и один из самых храбрых поборников польской колонизации на восточных ее границах, происходивший из Овруча на Волыни, был православный и переписывался по-русски с королем Сигизмундом Первым. Польское правительство и польское общество того времени мирились безропотно с этими отношениями. Прибыв на Украину, польские шляхтичи охотно допускали, чтобы их польский язык растворялся в обиходной речи местного населения. С другой стороны, даже для самых решительных защитников местной независимости или соединения с Великодержавой, польский язык долго сохранял за собою исключительную привилегию литературного языка. Они употребляли его предпочтительно даже для составления памфлетов, направленных против польского же владычества.

Приблизительно до середины семнадцатого века возможность возникновения национального антагонизма между русскими и поляками, казалось, была исключена самим фактом состава польской империи, где оба элемента слились в силу добровольного соглашения. Врагом для этого конгломерата с федеративною основой было Московское государство, беспокойный претендент на русскую часть составленной таким образом коммуны, но соперник, во всяком случае, незначительный, как думали, в силу его исторического развития, вне славянского мира. Тем не менее между Варшавою и Москвою одна только вера могла служить препятствием к сближению, из которого могла бы получиться новая федеративная связь, и мои читатели уже видели, что ценою одной только православной обедни польский король, менее щепетильный, чем Сигизмунд III, мог бы без всякого труда устроиться в Кремле.

В Украине большая часть колонистов принадлежала к греческому вероисповеданию; но, распространяясь на массу населения, индифферентность к религиозным делам или скорей вражда к ним казаков делала этот камень преткновения почти не имеющим значения или совершенно его уничтожала. Заговорив позже об этом, сам Хмельницкий выдал однажды тайную свою мысль в угаре винных паров, объявив, что для него поп и католический священник одно и то же, так как оба они не стоят веревки, на которой их следовало бы повесить. Нежизненная для того времени даже в самом московском очаге своем, православная церковь неизбежно страдала в Польше от соседства с другой религией, господствовавшей

и получившей благодаря этому большие права для себя. Приблизительно до шестнадцатого века, однако, она пользовалась там самую широкою терпимостью. В 1584 году Баторий разрешил своим православным подданным следовать старому календарю; в 1589 году Сигизмунд III сам предложил константинопольскому патриарху Иеремии распространить на них права своей юрисдикции. Находящееся в руках короля право назначения епископов распространялось и на православный клир, и на религиозную общину, создавая им этим самую унижительную зависимость, но ни тот, ни другая не были этим задеты за живое. Необразованный и грубый, пьяный и грязный, по свидетельству даже самых выдающихся членов его, этот клир отказался в нравственном отношении от всяких предубеждений, а его прихожане подражали его распущенности и индифферентности.

Религиозная жизнь сохранилась лишь среди некоторого количества братств, происхождение которых в Лемберге относится к тринадцатому веку, но развитие их на корпоративных началах было также делом польской культуры, обязанным в большей части своей влиянию магдебургского права, введенного Польшей в режим муниципалитетов. Родство их с коммунальными формациями древней России не менее проблематично, чем таковое военных коммун Запорожья. Долго польское правительство охраняло эти институты, которые между тем, присвоив себе самую широкую юридическую и административную автономию, стремились утвердить свой авторитет даже в противовес авторитету епископов, им же назначенных. И оно не беспокоилось об этом, справедливо полагая, что время и обстоятельства действуют реальнее в его пользу.

Очень вероятно, что низшие слои населения последовали бы рано или поздно за движением, привлекавшим высшие классы к польской культуре и, как к естественному следствию, к католической религии. Но то был очень медленный процесс, и, к несчастью, с конца шестнадцатого века слишком ярые католики хотели его ускорить. Благодаря либеральному духу, а также, говоря правду, беспечности, свойственной национальному темпераменту, даже протестантство не придало в Польше особой суровости конфликту исповеданий, и эти ярые сторонники католицизма должны были перенести борьбу на совершенно другую почву.

Нетрудно догадаться, что то были иезуиты. Начиная с 1570 года, взяв базисом своей деятельности дома крупных украинских, польских или полонизированных вельмож, являясь к ним в виде учителей, секретарей, управляющих, милиция Лойолы выходит на поединок, и положение тотчас же меняется. В 1582 году католический клир и население Лемберга возмутились против православного духовенства по поводу введения греческого календаря. В 1588 году был получен циркуляр поставить в Киеве православного архиепископа по выбору ордена, Михаила Рагозу, его ученика, протеже и послушное в его руках орудие. И тогда была намечена к выполнению новая программа; та самая, на которую указывает в 1577 году отец Скарга, этот польский Боссюэ, опубликовавший свою знаменитую книгу о единстве церкви и превозносивший в ней открыто употребление в дело принудительных средств, энергичного применения *intrare compelle* [заставь войти. – *Евангелие от Луки*].

Нападение было произведено по всей линии и, возбудив прекратившуюся уже деятельность православных братств, вызвало с их стороны неожиданное сопротивление. В Киеве, в Вильне и в других городах родились ассоциации того же типа. Лембергское братство, реорганизованное в 1586 году, получило от константинопольского патриарха Иеремии новые неограниченные права, включая а право контроля над всеми епархиями, вплоть до обвинения или отлучения всех членов клира, священников или епископов. Отказавшись признать подобную юрисдикцию, православный епископ Лемберга, Гедеон Балабан, вступает в спор со своим коллегой из Луцка, Кириллом Терлецким, который обвинялся тогда народною молвою во всевозможных преступлениях, грабежах, насилиях и даже в фабрикации фальшивой монеты.

То была ожесточенная, страстная, слепая борьба, и из ее недр вскоре вылились две идеи, которые явились господствующими в поднятом споре и повлекли его к роковой развязке. И клир, и население, все верные православной церкви должны были искать точки опоры, надеяться в дальнейшем на помощь там, где они естественно думали ее найти, – вне польского владычества, отданного теперь в феод иезуитам. Они направили свои взоры на Москву. В то же время, заподозренные как креатуры польского правительства, преследуемые поэтому воинствующими братствами, отданные на их суд восточным патриархатом, некоторые православные епископы не видели уже никакой возможности поддерживать свой авторитет и защищать свои привилегии на лоне греческой церкви и, следовательно, должны были обратиться к Риму.

Решенная в 1591 году под влиянием иезуитов уния с Римом была осуществлена в 1595 году. Так как архиепископ Рагоза держался в стороне, как более всех подозреваемый, а епископ Пшемысля Михаил Копыстинский и даже лембергский епископ Балабан, несмотря на свои размолвки с братствами, выразили протест, хотя раньше и дали свое согласие на присоединение, то двое других, Кирилл Терлецкий луцкий и новый епископ Владимира Игнатий Поцей, уже прежде обратившийся в католицизм, поехали в Рим, привезя с собой согласие некоторых своих коллег, и заявили о своем подчинении.

То была крупная ошибка как со стороны польского правительства, благопритествовавшего этому движению, так и со стороны самих иезуитов, его главных инициаторов. Их намерения были, несомненно, чистые, и одного уже присутствия Скарги среди первых пионеров этого дела было достаточно, чтобы убедиться в благородстве руководивших ими чувств. Но результаты были пагубны. По проекту, выработанному Скаргою, здесь не было речи о полном слиянии двух церквей. Но на деле уж одно уважение к органической и ритуальной автономии присоединенной общины создавало какое-то ублюдочное тело, лишенное способности жизни и развития. Встав преждевременно между обоими элементами, уже и так склонными к сближению, этот новоорганизм послужил лишь препятствием к их мирному поглощению друг другом, вводя в то же время в среду, уже и так насыщенную в этом отношении, антагонизм противоположных идей и интересов.

Под влиянием предубеждений, по большей части личного свойства, местные вельможи русского происхождения и православной веры, но связанные с Польшею, – Висневецкие, Сангушко, Сапега, Огинские, Ходкевичи, Пасы, Хребтовичи, Воловичи, Корсаки во главе с главным воротилой этой местной аристократии, Константином Острожским, и сами оказывали противодействие. Уния отнимала у них право, которым они владели скорее благодаря обычаю, чем по закону, вмешиваться в церковные дела. Почти девяностолетний старик «герцог Острожский» являлся типичным представителем этой группы. В настоящем ее виде украинская «казачина» выросла с ним вместе, и он оставался казаком с ног до головы. В молодые свои годы он однажды ворвался силою в Острожский замок, где жила вдова его брата Ильи, похитил ее дочь и отдал ее своему другу, Димитрию Сангушко. Когда княгиня стала протестовать, он бросил ее на землю, заставил священника тотчас же совершить брачный обряд, произнес за свою племянницу слово согласия и принудил ее присутствовать на пиру, после которого был завершен брак с грубой помощью слуг Сангушко, которые подавили сопротивление невесты.

В 1569 году этот жестокий человек не оказал ровно никакого противодействия союзу, соединявшему русские провинции древнего литовского государства с Польшею; он даже по своему показал себя верноподданным республики, но при этом не платил налогов ее казне. Как большинство дворян, но более явно, он презирал ее законы, говорил грубости суверену и с миллионным доходом оставил полностью разрушенным унаследованный им Острожский замок, совершенно не заботился оказать помощь киевским церквам поддержкою или реставрацией.

Православная религия не могла ожидать большой помощи от подобного защитника. Но она нашла себе других. С Афонской горы раздался голос галицийского монаха, Ивана Вишни, вызвавший в Вильне отзвук в словах и сочинениях Стефана Зизания, поднявшего жаркую полемику и возбудившего в народных массах новые чувства. Даже среди казаков уже указанная нами индифферентность сменилась другим настроением, в котором дело религии слилось неожиданно с национальным делом, до тех пор совсем не существовавшим. Угрожаемая в Польше, греческая вера должна была вызвать в умах идеал другой России, где бы она не переживала подобных немилостей.

Уже в 1622 году мы узнаем о путешествиях в Москву, предпринятых православными прелатами Польши для того, чтобы официально просить вспомоществования, но на деле, чтоб добиться покровительства царя против «общего врага».

Итак, несмотря на усилия иезуитов и польского правительства, которое само помогало им, прогресс унии был очень медленный, а с другой стороны декларации о религиозной терпимости, много раз высказывавшиеся польскими сеймами, не соответствовали истине. Гарантированное свободное исповедание греческой религии не исполнялось католическим клиром и распростиралось только на знать. Таким образом, православные дворяне могли выполнять на деле греческий ритуал, но это не мешало благородным католикам насиловать в этом волю своих православных крестьян.

В действительности это был произвольный режим, в котором одержало верх все же насильственное вынуждение, хотя известная школа историков впала в этом отношении в странные преувеличения. Польша отдавала чистой химере то драгоценное, что добыла благодаря самой мудрой политике. Чрезвычайно трудная задача усложнялась особенно опасным фактором, а вмешательство Рима открывало дорогу другому внешнему вмешательству, сделавшемуся гораздо более действенным, в конце концов, приведшему, благодаря обстоятельствам, к решительному концу.

Глава II Конфликт

1. Победа плуга и реванш сабли

Таким образом, накопились причины ужасного кризиса, который должен был дать тело и душу этому украинскому союзу рассеянных и непостоянных элементов и в тяжелых муках произвести на свет сначала эфемерное государство, а потом, понемногу развиваясь, ту историческую индивидуальность, конечная участь которой и теперь составляет тревожную загадку: «Малороссия». Отделенная от Польши, захваченная после недолгого опыта самостоятельной жизни другим политическим агломератом, она тем не менее сохранила в себе черты оригинальности и порой часто очень честолюбивые замыслы. Первоначально название «Малороссия» прилагалось к Волыни и к галицкой земле, а в наши дни существуют малороссы, составляющие карты, где географические границы государства, более или менее автономного, – предмет их, быть может, химерической мечты, а, кто знает, быть может, и реальной! – простираются от Дона до Вислы.

Такое видоизменение украинской проблемы явилось в семнадцатом веке следствием казацких восстаний. Вначале восстания эти не отвечали никакому требованию национального или религиозного характера. Первое из восстаний, в 1591 году, под начальством Христофора Козинского, польского дворянина, как кажется, родом из Подляхии, являлось лишь простым разбойничьим набегом на поместья князя Острожского, – произведенным, следовательно, во вред человеку, который лучше, чем кто-либо другой в этот момент, отождествлял в своей личности национальные и религиозные интересы, оспариваемые в стране. Вынужденный сдаться после неудачной битвы, во время которой тяжелые польские эскадроны прошли как ураган над его более легкой кавалерией, причем ее лошади буквально утопали в снегу, убитый вскоре после этого во время драки в кабаке, печальный герой этого предприятия уступил свое место более блестящему, если не более достойному борцу, «Алкивиаду казацкой республики», как его называет один историк, Северину Наливайко.

Последний был человеком более скромного происхождения, сыном скорняка в Гусятине, маленьком украинском местечке, и начал свою деятельность в милиции князя Острожского. Мы не знаем его настоящего имени, так как Наливайко было лишь его насмешливым прозвищем (от слова «наливать»). Большая часть казаков имела прозвища. Явившись в Сечь после спора из-за земли, как это потом случилось с Хмельницким, «Алкивиад» нашел там своего Перикла в лице атамана Григория Лободы.

Он, кажется, выступил в первый раз под начальством этого воина, безжалостно грабя Венгрию, которую «рыцари Запорожья» по приглашению императора Рудольфа II должны были защищать против турок. Он посетил потом Молдавию, все в качестве бандита, но отказался немного позже следовать за польскою армией, действовавшей против турок и татар. Нашелся один историк, который похвалил его за это доказательство его «практического ума». Кажется, однако, такое достоинство более относится к «Периклу», только что встретившему свою Аспизию в лице молодой девушки из благородной польской семьи, госпожи Оборской, захваченной в окрестностях Бара и выданной насильно замуж. Это приключение поссорило атамана с Польшею.

Но «Алкивиад» вскоре взлетел на своих собственных крыльях. Напав неожиданно на города Луцк и Пинск и разграбив совершенно в одном из них дом епископа Терлецкого, находившегося в то время в Риме по делу унии (в январе 1596 года), он сразу явился защитником православной веры. Республике пришлось послать самого лучшего из своих полко-

водцев, Жолкевского, против этого импровизированного апостола, и окруженная на берегах Сулы в июне 1596 года, шайка Наливайко сдалась в свою очередь, но при этом совершенно оправдала украинскую пословицу, по которой нужно убить казака три раза, чтобы его душа вышла из тела. Выданный своими товарищами, Наливайко был привезен в Варшаву, где, говорили, его сожгли на медленном огне в медном быке Фалариса. Мы знаем совершенно точно, что его просто обезглавили, но Украина была по преимуществу страной легенд, и в ней рассказывали также о «каменном мешке», полой колонне, где будто бы Козинский испытал свои подвиги.

Репрессии принесли свои плоды. Успокоенные и ободренные поляки стали энергично развивать колонизацию, создав в несколько лет большие поместья: Романово, Хвостово, Гайссыно, Гумано, Гостомлы, Сквиры, Таборовку, Лысянку, прибавив одиннадцать деревень к владениям Василькова, тридцать пять к староству Белой Церкви. Но по тем же самым учреждениям, укрепившись на религиозной почве и смутно обрисовываясь на национальной, пробегала часто струя сопротивления. Обратив Афонскую гору в Синай, Иван Вишня не переставал громить угнетателей истинной веры, и его страстные слова электризовали все более и более многочисленные группы попов, монахов, городских жителей, объединившихся в одном чувстве негодования и глухой злобы. За вспышкой вооруженных шаек последовала другая борьба, хотя и менее кровавая, но такая же страстная.

Потом, еще раз, в первые годы семнадцатого века, взяло верх оружие, открыв казакам поле новой деятельности, Смутное время, созданное в большой соседней империи прекращением династии Рюриковичей, должно было дать большое развитие военным братствам Украины. Следуя за звездой Лжедмитриев или поступая на службу в польские войска, отправлявшиеся на завоевание вакантного наследства, привыкшие к войне, экзальтированные победою, обогащенные грабежом московских областей, «запорожские рыцари» показали такой пыл, такую стойкость и смелость, которых от них не ожидали. Черное море влечет их сильнее, чем когда-либо, а Днепр, который они олицетворяют, как некогда Баян в песне об Игоре олицетворял Донец в виде доверенного лица своего героя, а до него Гомер изображал Скамандр страшным и милосердным богом, Днепр – Славута, как они называли эту реку, становилась способной в их воображении повести их к покорению мира. Они, правда, не достигли этого, но в 1614 году они угрожают Синопу, а в 1616 году сжигают Каффу. Война с Персией, в которую они ввязались, обезоружила на время Порту, а с другой стороны Польша также временно снискала себе уважение на Украине. Благодаря неутомимой энергии и ловкости Жолкевского, ей удалось в 1617 году даже заключить с казаками договор, подписанный острием сабли, на Росе в окрестностях Ольшанки, номинально эта конвенция довела их до тысячи человек, состоящих на службе у республики.

Но это был лишь временный перерыв, обязанный по большей части авторитету единственного действительно ценного вождя, который находился тогда в распоряжении Запорожья. Это был атаман Петр Конашевич, по прозвищу Сагайдачный. Родившись в окрестностях Самбора, в Красноруссии, или Галицкой Руси (восточной части современной Галиции), произведшей в то же время Ивана Вишню и Иова Борецкого, дворянин, если судить по его оружию, на котором был вычеканен знак креста, чем он вызвал панегирик Саковича, этот человек являлся одним из последних украинцев, искренно преданных Польше и той программе, которая проводилась ею в этих областях. И в то же время это был ярый приверженец православия, горячий сторонник частичной местной автономии и, по-своему, казак в душе.

Его стремления были, без сомнения, самые лучшие, но идеал, которым они соответствовали, был неосуществим. Желая подвергнуть более строгой дисциплине подчиненные ему войска, Конашевич понимал необходимость связать их прочнее с военной организацией республики и изгнать из них мятежные и непокорные элементы. Но, периодически испытывая полный упадок и отсутствие средств, правительство республики разрушало одною

рукою то, что оно создавало другою. Через два года после Ольшанского договора, желая помочь королевскому принцу ввиду опасности, которой он подвергался в самом сердце Московии, оно само призвало Украину к всеобщему восстанию.

Храбрый и искусный солдат, но очень простого ума человек, Конашевич, с другой стороны, ничего не понимал в выгодных и заманчивых сторонах польской культуры, которая к тому времени прониклась всеми утонченностями итальянского Возрождения. В этом отношении он был на стороне того неисправимого блока, который противопоставлял казацкую дикость цивилизаторскому влиянию Польши. Некий Замоиский только что основал на русской земле, в Заможе, академию и прекрасную библиотеку. Назначенный киевским палатином, его сын напрасно обращал в галантный двор местный замок, великолепно реставрированный, и в нем обращался *humanissime* с «рыцарями Запорожья»: его гости предпочитали всему этому грубые радости куреней и кабаков.

Проблема становилась все менее разрешимой. Польша не могла ужиться с казаками, а между тем она не была в состоянии обойтись без них. В 1620 году, после удачной попытки снова рассеять мятежные шайки Конашевича, Жолкевский отказался призвать их к оружию для кампании, предпринятой им в Молдавии с горстью людей. Окруженный у Цекори большой турецкой армией, он погиб, и казаки были склонны видеть в этом событии божие наказание. Некоторые из них, из состава, находившегося на службе у республики, участвовали в этой битве, и в числе их чигиринский сотник, Михаил Хмельницкий, который был убит. Его сын, Зиновий Богдан, был вместе с ним, но спасся.

То был будущий вождь Украины.

После этого поражения, которое обезоружило Польшу, Украина была на некоторое время предоставлена самой себе. И в это самое время наряду с конфликтами социального и экономического характера, поддерживавшими в стране постоянное тревожное настроение, разгорелась религиозная война. Борясь с унией, православие попыталось перенести борьбу на почву, где она до сих пор не проявляла никакой жизни. Цивилизаторские стремления поляков вызвали против них другую культуру.

2. Две церкви и две культуры

Католическая пропаганда определенным образом и в одном, по крайней мере, направлении достигла некоторых успехов в этой среде. Вельможи один за другим оставляли православие или оставались с ним внешним образом связанными, чтобы сохранить за собою право на распределение церковных бенефиций. Но добровольное обращение господ влекло за собою обычно вынужденное совращение их подданных. Католические священники могли, таким образом, свободно захватить православные церкви и имущество, назначенное для поддержки последних, причем пускали в ход самое гнусное насилие.

Такое посягательство вызвало, впрочем, живой протест. Стипендиаты православных школ (бурсаки) и служители монастырей выдержали не одну кровавую битву, защищая свои храмы. На огромных церковных поместьях, откуда очень часто нашествие татар или турок изгоняло их управителей, авторитет хозяев чувствовался с трудом. Украина была велика, и преданные преследуемой религии всегда могли найти там для себя надежные приюты. Казаки сами предлагали их, если некоторые из них успевали сделаться крупными собственниками.

Завещание Тышко Волевача, «гражданина и казака Чигирина», составленное в 1600 году, указывает на земельное имущество, занимавшее добрую половину теперешнего Александровского уезда в Херсонской губернии, раскинувшееся на пространстве в несколько квадратных лье. И захваченные в силу военного права или обращенные в дворянские угодья, поместья этого рода не были подчинены юрисдикции польских старост; они были под-

чинены лишь казацкому самоуправлению, которое, вопреки усилиям польского правительства, продолжало развиваться. Несмотря на всю свою верность республике, сам Конашевич благосклонно относился с этой стороны к автономным тенденциям своих сотоварищей по оружию, подобно тому как он старался не нарушать незыблемость кадров их военной организации.

Православие находило для себя там все более прочную опору, а казаки все более стремились отождествить дело православной веры с их казацким делом. Уже в 1618 году они убили главного викария киевской митрополии Антония Грековича за акт принуждения к унии. Через два года, когда иерусалимский патриарх Феофан прибыл в Киев, они защищали оружием собрание, где было совершено нечто вроде государственного переворота: восстановление православной иерархии, нарушенной унией. Тогда патриарх, игнорируя польские законы, рукоположил в большой церкви монастыря Киево-Печерской лавры одного митрополита и шесть епископов.

Проект состоял в том, чтобы поднять население, прогнать униатских епископов, вернуть отнятые церкви и заставить потом польское правительство признать совершившееся фактом. Передача киевской митрополии в руки архимандрита Киево-Печерской лавры Иова Борецкого, доказавшего уже свою крайнюю ревность на почве защиты «истинной веры», и вступление Конашевича с товарищами в местное братство придали событию грозный характер. Мистически настроенный монах-аскет с одной стороны и суровый солдат – с другой объединились здесь в одном чисто религиозном чувстве, хотя их политические идеалы и были различны. Борецкий на деле был решительным противником Польши и уже всецело был охвачен мыслью войти в соглашение с ее северною соперницею.

Эта разногласица с одной стороны и слабость польского правительства с другой способствовали тому, что таким образом вызванный конфликт потерял тот острый характер, который он стал, по-видимому, принимать. Вначале польский сейм объявил все инвестиции, произвольно розданные православным прелатам, недействительными, но он не был в силах дать практическую санкцию своему решению, и в 1621 году Конашевич добился обещания пересмотра декрета. За это он выступил с тридцатью тысячами войска в новый поход против турок, окончившийся отступлением оттоманской армии. Но так как дела оставались все в том же положении, православная церковь разделилась на две отдельные иерархии, одну – официальную и подчиненную, другую – революционную и военную. Кризис был отсрочен из-за смерти Конашевича; за отсутствием вождя, который мог бы его заменить, казаки вернулись к своей обычной анархии, и в частности к своей индифферентности в вопросах веры.

В Киеве между тем создавался очаг антиунионистской и антипольской агитации, которому не суждено было угаснуть. Местное братство, школа при нем, Борецкий и несколько монахов, которым он передал свой жар, старались не сдаваться, даже в области литературы и науки, своим католическим противникам, иезуитам и доминиканцам. Задача была трудна. Среди учителей, которыми они располагали, образованные и непьющие встречались редко, «реже золота и алмаза», утверждал меланхолически сам Борецкий. Эта контрпропаганда насчитывала много приверженцев. Вне сферы аристократической польская культура и латинская церковь одинаково не пользовались моральным влиянием на массу населения, на крестьян и мещан, у которых уния, напротив, вызывала вспышки реакционного фанатизма. Но то был элемент, которым почти нельзя было пользоваться как средством для интеллектуальной борьбы.

Сама уния со своей стороны – учреждение разнородное и приниженное, покинутое высшими классами, склонявшимся к католицизму, была не в лучшем положении. И таким образом силою вещей борющиеся перенесли на узкую почву грубой полемики и чисто материального насилия. Об этом свидетельствует апостолат знаменитого униатского архиепископа Полоцкого, Иосафата Кунцевича, борца более энергичного, чем мудрого, которого

обстоятельства обратили в мученика и которого в Риме причислили к лику святых. Однако нельзя утверждать, что покушение на него, стоившее ему жизни, не было вызвано его поведением и не явилось результатом других крайне преступных эксцессов.

То был человек, отличающийся героизмом, но совершенно лишенный всякой мягкости. Монахом он изгонял ударами палки искушения, которые находили на него в его келье, епископом, чтобы очистить церкви, взятые у схизматиков, он доходил до осквернения православных могил, факт, который не опровергают его защитники, и не совсем искусно оправдывают детской легендой о явлениях, которые сделали необходимыми подобные меры. 12 ноября 1623 года виновник этих мер был убит во время бунта, и это убийство, тоже ничем не оправдываемое, имело огромное и роковое влияние на дальнейший ход событий. В такой кровавой расправе с обеих сторон как бы санкционировалась победа насильственных мер.

Желая победить Кунцевича совершенно другим оружием, Борецкий послал в Витебск, в качестве митрополита, лучшего из своих помощников, Мелетия Смотрицкого, воспитанника иезуитов и иностранных университетов, первого русского доктора медицины и автора очень ценной в то время славянской грамматики.

Образованный и интеллигентный, деятельный и ловкий, этот борец проделывал чудеса, когда внезапно событие 12 ноября остановило и разрушило все его дело. Неизбежные репрессии прервали сначала созданное им движение, и вскоре, после таинственного пребывания своего на востоке, он сам присоединился к унии, причем свое сенсационное обращение он оправдывал интеллектуальным и моральным убожеством оставленной им церкви. После некоторых колебаний и компромиссов, вознагражденный прибыльной синекурой и титулом архиепископа *in partibus* Гиераполиса, до своей смерти в 1633 году он оставался верен на этот раз принятому на себя делу и заслужил, защищая его, имя «польского Цицерона».

Это была для его старых соратников невосполнимая потеря. Но они нашли в это время другого защитника, не менее стойкого и еще более достойного, но вдохновленного совершенно другими идеями и тенденциями. Сначала в монастыре Киево-Печерской лавры, а потом в 1632 году и в Киевской митрополии Борецкий уступил свое место Петру Могиле. Сын Симеона, палатина Молдавии, он имел первыми своими учителями монахов лембергского братства, а потом докторов парижского университета. Отправленный в изгнание, благодаря спорам между членами его семьи, нашедший себе после приют в доме Жолкевского, которого сопровождал в некоторых походах, он неизвестно по каким мотивам очутился и постригся в 1628 году на Украине, имея двадцать восемь лет от роду.

Это был очень интересный тип монаха и в то же время честолюбца, непримиримого сторонника православия и убежденного западника, относившегося с одинаковою страстью к совершенно противоположным тенденциям. Ярый украинец, он между тем ненавидел казаков и, будучи решительным врагом Рима, в то же время не любил и Москвы. В глубине души своей интеллектуально он приемный сын Польши, и деятельность, которую он развивает на своей приемной родине, кажется плодом зрелости польской культуры, приложенной к этой стране. В бытность свою архимандритом Киево-Печерской лавры, Могила совершенно в польском духе начинает с посылки за границу для окончания образования нескольких учеников своей школы, между ними Иннокентия Гизеля, получившего позже большую известность; потом, вопреки желанию Борецкого, он создает коллегию, обратившуюся позже в академию, в которой методы обучения были скопированы с польских моделей. Латинский язык там пользовался особенным фавором, изучение изящной литературы чередовалось там с богословием, основанным больше на св. Фоме, чем на греческих отцах.

Этому учреждению суждено было сыграть значительную роль в общем развитии православной мысли в самом лоне северной Славонии. Все позже установленные институты научного или религиозного воспитания вдохновлялись им и подчинялись действию поль-

ской культуры вплоть до некоторого уничтожения оригинальных местных элементов, ею заглушенных. Польша здесь использовала великолепно последние дни своего заката. Но политическая и социальная эволюция Украины не претворилась в ней. Она неизменно держалась другого направления. Верхние и средние слои населения были охвачены польским движением, но масса, крестьяне и казаки, были ему враждебны, как и раньше, и печальная серия восстаний, возобновлявшихся периодически, но всегда с новой силой, так и не прерывалась.

Когда в 1625 году казаки предложили поддержать князя Александра Ахджия, предполагаемого сына Магомета III и претендента на турецкий трон, польскому правительству, угрожаемому оттоманским нашествием, пришлось сделать попытку новых репрессий. Строгие приказы, опиравшиеся на внушительную военную силу, предписывали неуклонное выполнение прежде изданных, но не исполнявшихся установлений. «Зарегистрированные» казаки, теперь в числе уже шести тысяч, были приглашены исключить из своей среды всех не записанных и подчиниться беспрекословно гражданским и военным властям республики. Принимая во внимание обстоятельства, нетрудно было предвидеть ответ заинтересованных в этом деле лиц: в них еще жива была душа Иова Борецкого.

3. Обращение к Москве

Уже в 1622 году, после смерти Конашевича, бывший тогда у власти архимандрит Киево-Печерской лавры Исайя Копинский послал в Путивль, пограничный московский город, по па с поручением переговорить с местными воеводами. Посланец должен был просить помощи у царя против поляков, преследователей «истинной веры», и просить также убежища для ста пятидесяти украинских монахов, которых должно было сопровождать большое число казаков. Эта попытка осталась без ответа, и ее инициаторы думали некоторое время обратиться к Турции, начав, таким образом, политику, в которую так виртуозно сыграл позже Хмельницкий. Потом, в 1625 году, сам киевский митрополит Иов Борецкий занялся организацией трех посольств, получивших мандаты от «казацкой армии», православных епископов Украины и князя Александра, возобновить в Москве прерванные переговоры. У нас существуют по поводу этой миссии довольно смутные сведения, но, как кажется, она преследовала двойную цель: побудить царя взять Украину под свое покровительство и помочь возвращению Константинополя в лоно христианства через посредство претендента, уже обращенного в православную веру. В одной своей части план этот явился из ряда вон выходящим, с другой стороны, он был преждевременным. Михаил Феодорович наградил посланцев хорошими словами и несколькими соболями, принц Александр был признан вскоре обманщиком, а казацкая армия, разбитая в Медвежьей Лозе под Кременчугом, вынуждена была подчиниться. Но уже были поставлены вехи на этом пути, и движение не могло миновать его.

Эта армия недолго оставалась подчиненною. Тайна начатых переговоров с Москвою была обнаружена, и «военная комиссия» уже занялась в Украине розыском ответчиков и заговорщиков, и в то же время Польше пришлось встретиться с новым бунтом, управлявшимся главою незарегистрированных казаков или исключенных из списка выписчиков, как их называли. Известный под именем Тарас, этот атаман явился лишь орудием в руках еще жившего в то время Борецкого. В его шайке фигурировал один из сыновей архимандрита, Степан.

Восстание было подавлено, как и все предшествующие. Москва тоже не думала более вмешиваться, но казаки остались верны надежде на помощь извне, и по поводу ее уже создавалась целая легенда заманчивых обещаний. И в этих надеждах они черпали новую смелость. В 1632 году, отправив депутатов в Варшаву, где только что умер Сигизмунд III, они заго-

ворили тоном, каким до сих пор не привыкли говорить. Они требовали для себя участия в выборах нового короля, делали попытку войти в непосредственные переговоры с королевским принцем, назначенным кандидатом, и подкрепляли свои требования высокомерными угрозами. Разве они не составляют такую же часть республики, как и шляхта? Представители шляхты были этим глубоко оскорблены. «Эти люди составляют одну из частей республики, – сказал один из них, – это верно, но как волосы и ногти, которые необходимо стричь». Но республиканские ножницы уже слишком притупились, а с другой стороны, королевский принц, призванный наследовать своему отцу, был польщен доверием, оказанным ему «рыцарями Запорожья». Он дал им это понять и тем усилил еще их смелость.

Таким образом подготовлялось выступление на сцену человека, предназначенного к тому судьбою и, как прямой продукт вулканических сил, действовавших на его родине, он выступил в час, обозначенный прогрессом их работы, не для того, чтобы дать им направление, что превосходило всякую меру человеческого ума, но чтобы просто в силу исключительной своей личности и благодаря действительному таланту организатора овладеть неизбежным и страшным взрывом.

4. Хмельницкий

Этот сын сотника, убитого в Цекоре, еще ни чем в то время не обнаруживал признаков личности, призванной сыграть большую историческую роль. Он был просто такой же «зарегистрированный» казак, как и его отец, и, как последний, он занимал в военной иерархии низший ранг. Происхождение этой фамилии неизвестно, и генеалогия, приписывающая «герцогу Украины» более или менее знаменитых предков, должна быть отнесена к области фантазии. То же следует сказать и о баснях, собранных некоторыми историками по поводу также плохо известного начала этой чрезвычайной карьеры. Два Хмельницких (или Chmielniczki, по польской орфографии), один низкого звания, другой благородного, но оба бедные, «безместные», известны в 1637 году в палатинате Волыни, но, как кажется, они явились туда только недавно, быть может, из Мазовии, где, кажется, существовали мелкие дворяне того же имени. Корень этого имени, (хмель по-русски, chmiel по-польски) не дает на этот счет никаких указаний, имея одинаковое значение на обоих языках: «хмель» и в переносном смысле «пьянство».

Богдан Хмельницкий неоднократно сам указывал на низкое свое происхождение. Он этим даже хвастал. С находившимся у него на службе затем будущего герцога Адам Кисель обходился как с «простым крестьянином». Позже вождь Украины приписывал себе последовательно все гербы различных польских фамилий. Доказательством того, что он не принадлежал ни к одной из них, служит тот факт, что в 1661 году один из его потомков просил у польского правительства дворянской грамоты. Женатый на дочери молдавского господаря, собственный сын Богдана, Георгий, приписывал себе родство с Везык-Хмельницким, но и самое существование такой фамилии польских дворян остается в области гипотез. По поводу этого брака была даже подана господарем за своего зятя просьба правительству республики о польском подданстве. Факт этот исключает всякую мысль о принадлежности Хмельницкого к польской аристократии. Если, наконец, в эпоху своих побед Богдан имел бы благородных родичей в Польше, как понять, что ни один не постарался использовать такую связь? Мелкий чиновник канцелярии Бюрен, ставший всемогущим любимцем императрицы Анны, ведь нашел себе кузена даже среди Биронов Франции!

Совсем другое указание по этому поводу дает нам очень известный в свое время украинский писатель Фома Падурра. На основании одной заметки, сохранившейся в архивах фамилии Шереметевых и подтвержденной другими документами, он доказывает, что отцом «герцога Украины» был еврей, мясник из города Хмельника в Подолии, по имени Берко,

крещеный Михаилом. Поселившись в деревне Субботово и держа там кабак, этот ренегат стал так ненавистен местным жителям, что те наняли татар, которые увезли его вместе с сыном. Отсюда его пребывание в Крыму, указанное в биографии Хмельницкого, и близкое его знакомство с мусульманским миром, сыгравшее такую большую роль в его карьере. Однако эта версия имеет значение лишь постольку, поскольку она указывает на разность предположений по поводу происхождения этой личности. Ни по своей физической структуре, как это свидетельствуют, хотя и не совсем достоверные источники, ни по своему темпераменту Хмельницкий, казалось, не имел ничего общего с семитизмом.

Более важными для разрешения этой загадки являются те обстоятельства, которые в первый раз выдвинули на арену истории будущего героя. В Субботове, в деревне, расположенной по левому берегу Тасмины, находилась его слобода, маленькое поместье, принадлежавшее к чигиринской старости. Основываясь на законе, запрещавшем казакам плембейского происхождения создавать подобные угодья, управитель старости, Чаплинский, стремился изгнать его оттуда. Отсюда возник процесс, в котором с успехом было пушено в ход неблагоприятное происхождение владельца слободы.

До этого случая все составляет загадку в жизни Богдана. Одно лишь его присутствие при Цекоре и плен у татар являются почти вероятными данными. Кажется также, что он служил потом в Бродах у Потоцкого. Подобно многим другим, он, без сомнения, оставил дом польского магната, чтобы на некоторое время предаться грабежам с казаками Запорожья, составить себе состояние и зажить в окрестностях Чигирина. Он получил некоторое образование, благодаря своему пребыванию в школе лембергских иезуитов, но, кажется, он учился только в первых классах, и если у Коховского он говорит по-латыни, – Костомаров и вслед за ним другие историки не считаются совершенно с этим, – то лишь потому, что тот сам писал на этом языке. Среди своих неграмотных сотоварищей ученик иезуитов мог безусловно сойти за ученого, и они посылали его несколько раз с депутациями в Варшаву по поводу возникших в 1635 году споров о построении уже упомянутой Кодакской крепости. На почве этого факта возникли два других восстания, в течение которых крепость была взята и гарнизон под командою француза Мариона был вырезан. Главари восстания, Сулима и Павлюк, в свою очередь подверглись участи Наливайко, в 1637 году, под Кумейки, и новый трактат о подчинении временно обезоружил казаков. Хмельницкий при этом фигурировал в качестве писаря запорожского войска.

Он не долго выполнял эту функцию. Едва подсохли чернила на трактате, как лица, подписавшие его, возобновили борьбу под начальством Острианина или Острианицы, казака родом, вероятно, из города Остра на московской границе, и на этот раз борьба окончилась тем, что «рыцари Запорожья» потеряли право назначать своих атаманов и других начальников или чиновников, выбор которых, сохраненный теперь за правительством республики, должен был отныне падать лишь на подданных, принадлежавших к знати. Хмельницкий, будучи исключен по этому поводу или по какому-нибудь другому, теперь упоминается уже как простой чигиринский сотник.

Созданный таким образом новый порядок был очень тягостен для побежденных, подчиняя их бесповоротно авторитету польского «комиссара» и сопровождаясь репрессиями, по всей вероятности преувеличенными местными летописями, но крайняя жестокость которых подтверждается даже польскими историками. Теперь уже королем был Владислав IV, и польское правительство должно было с сожалением прибегнуть к нему, за недостатком других средств прекратить эти восстания, так как они, учащаясь и усиливаясь, грозили страшным кризисом. Лично король склонялся к умеренности и даже к некоторой снисходительности по отношению к казакам, которую многие из его подданных считали неуместной.

Одним из его первых начинаний явилось обнародование эдикта о религиозной терпимости, доходящей до признания православной иерархии, установленной патриархом Фео-

фаном. Последнее вызвало в свое время протест Святого престола и с тех пор не переставало наводить католических писателей на самые горькие размышления. Взяв пример с государя, польские власти Украины также со своей стороны отказались от злоупотреблений, неизбежных в известных нам условиях. В 1647 году, несмотря на постигшую его немилость, Хмельницкий сам признал это, отправив жалобу к главному королевскому генералу, Николаю Потоцкому, по поводу несправедливости, жертвою которой он считал себя, и присоединив к своей просьбе ряд указаний на другие случаи, когда тот, к кому он обращался, неоднократно считал своим долгом вмешаться в пользу попранной справедливости. При этом бывший писарь уже льстил себя надеждою, что лучше успеет, если обратится с апелляцией к самому королю.

То начиналось дело Субботовской слободы.

Еврейский хронист эпохи Натан Ганновер сам оговорился, что предал Хмельницкого жадности чигиринского старосты Конецпольского, утверждая, что прежний казацкий писарь был очень богат. И эта подробность подтверждается также вариантом из другого источника. По другой версии, тяжба Хмельницкого с управляющим старосты Чаплинским имела поводом соперничество на почве любви. Верно лишь то, что владелец слободы был разорен, сын его подвергся тяжелым репрессиям, но, кажется, отец его уж слишком преувеличивал последние.

Споры подобного рода происходили ежедневно в этой стране. До тех пор пока Хмельницкий поселился на этой земле, спорный участок, по всей вероятности, не принадлежал никому. Но, очевидно, он принадлежал к тем землям, которые были предоставлены колонистам благородного происхождения, которые одни имели *jus primi occupantis*. Хмельницкий представил со своей стороны акт концессии, но, не будучи зарегистрированным, этот документ уже не имел никакой юридической ценности. Получив отказ в судах, лишенный имени, он отправился в Варшаву и получил там от короля хартию, делавшую его наследственным владельцем этого поместья. Государь принял сторону казака против польского вельможи и против закона.

Хмельницкий с триумфом возвратился на родину, как вдруг узнал, что в его отсутствие Чаплинский не только захватил спорное владение, но даже увез другой предмет их спора, женщину, которую любили они оба и на которой управитель хотел жениться законным образом и по католическому обряду. Вдвойне уязвленный, сотник пустился в путь, чтобы попытаться счастья у сейма, но там испытал новую неудачу. Можно себе представить, какую широкую известность получил этот странный процесс, явившийся в результате конфликта между казаком и поляком, и в то же время между двумя частями республиканского правительства: между собранием дворян и королем.

Поведение Владислава IV в этом деле объяснялось, впрочем, личными видами и частными планами, послужившими в то же время сюжетом для легенды, полной необычайных выдумок чисто авантюристского характера.

5. Великий проект Владислава IV

Храбрый солдат и принц, стремившийся к славе, сын Сигизмунда не мирился с неудачными попытками захватить московский трон. Уже давно неустанный воинский пыл и честолюбивое желание реванша тянули его на юго-запад, где кровь Жолкевского еще вопила о мести. На славной могиле побежденного при Цекоре он велел написать следующую эпитафию: «*Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor*». [Родится мститель из наших костей.]

И еще раз химера крестового похода вырисовывалась в уме этого наследника героических преданий. В 1645 году прибытие в Варшаву посланника Венеции, Тьеполо, дало облик его мечте. Этот посланник прибыл в Польшу не только для того, чтобы заключить союз

против турок. Назавтра после появления оттоманов под стенами Кандии синьория жаждала только мира, который не был бы слишком позорным. Она имела основание думать, что, разделив силы своего противника, она сделает его более покладистым, и только ради этой единственной диверсии она была готова, несмотря на истощение своих финансов, пожертвовать некоторой денежной суммой.

Владислав совершенно не проникал в эти тайные намерения или не старался раскрыть блестящую фразеологию, в которую их облекали. Преследуя свою собственную цель, он видел в сделанных ему предложениях только средство овладеть тем, чего ему не доставало для осуществления своего плана: нервом войны. И с той и с другой стороны, не очень настаивая, хлопотали о составлении антиоттоманской лиги; более серьезно спорили о цифре субсидии, которая может понадобиться для этого, и кончили соглашением, но отнюдь не абсолютный государь Владислав не был в силах вовлечь в предприятие республиканское государство, участь которого была в его руках, или мог прибегнуть лишь к обходным средствам. Для этого ему была необходима помощь казаков. Напустив на турок или даже только на татар эту свору, всегда готовую укусить, он имел шансы довести дело до конца.

Таким образом, под давлением Тьеполо король не только должен был обласкать своих необходимых помощников, но и восстановить их военное могущество, которое правительство республики так долго стремилось разбить. В январе 1646 года было даже решено, что запорожцы двинутся в море с сорока чайками. За это обещание венецианский посланец обещался доставить в два года сумму в 600 000 экю.

И это было все; но на этой канве народное воображение нарисовало самые фантастические узоры. В Украине говорили о хартии, которую будто бы король дал казакам и по которой они могли пользоваться старыми привилегиями. Иван Барабаш, простой полковник, обратившийся силою вещей в гетмана, считался укрывателем этого документа. Им позже воспользовался и Хмельницкий, хотя никогда его и не показывал. По всей вероятности, эта басня была вызвана письмом короля, разрешавшим казакам строить чайки.

Таким же образом в Европе стали поговаривать об образовании армии из всех христианских держав, которые должны были войти в коалицию и предпринять поход против турок, причем ее начальником указывали уже маркиза Людовика де Северака, будущего герцога Арпажонского, а тогда французского посла в Польше. Позже говорили даже, что Хмельницкий ездил во Францию для предварительных переговоров, и этим объяснялось присутствие двух тысяч казаков под стенами Дюнكيرкена, отнятого в 1646 году герцогом Енгиенским у испанцев. Никогда ни один казак не вступал на почву Франции, и эта другая выдумка имеет своим несомненным источником переговоры, которые были начаты раньше в Варшаве маркизом де Бреги, предшественником Северака, для рекрутского набора в Польше, хотя эти переговоры ничем не увенчались.

Не заботясь совершенно о тревоге, которая была им поднята в Украине или в других местах, Владислав не терял ни минуты для того, чтобы привести в исполнение свой великий проект. Доверив эту тайну нескольким влиятельным лицам и заручившись поддержкою великого коронного генерала Конецпольского, отца чигиринского старосты, он произвел большой набор и собрал необходимый провиант. Он думал, что цель близка, но увы! В марте 1646 года смерть Конецпольского, женившегося шестидесяти лет от роду на молодой красавице, перевернула вверх дном все эти планы. В это время, поднимая огромную шумиху на всем европейском континенте, эти приготовления вызвали уже в Польше довольно сильный протест. Крупные чиновники, не посвященные в тайну, возбуждали шляхту. А когда авторитет великого генерала перестал прикрывать действия короля, эти признаки недовольства обратились в целую бурю. Вооружения, производимые тайно и поддержка казаков приняли в возбужденных умах характер не нападения на турок, а заговора для уничтожения республиканских свобод и установления абсолютной власти.

Собравшись в ноябре 1646 года, сейм разразился градом обвинений и потребовал от короля роспуска собранных войск, сохранения мира с Турцией и возобновления прежних приказов, воспрещавших казакам походы на море. Это было крушение всего дела, и Владиславу пришлось от него отказаться. Но он был обязан своему шведскому происхождению тем упорством, которое, соединившись со славянской фантазией, мешало ему считаться как следует с препятствиями. Он не знал, кроме того, как освободиться от обязательств, принятых по отношению к казакам, и чувствовал, что, вернувшись снова к тому, что уже было сделано, он рисковал вызвать новое восстание, для которого он сам же дал казакам оружие в руки. И он упрямылся, придавая этому неудавшемуся предприятию все более и более химерический и опасный характер.

Распределяя места ввиду смерти Конецпольского, он всячески старался найти себе поддержку среди некоторых могущественных фамилий, и это заставило его отдать два главных места в начальствовании над армией двум явно ничтожным личностям. В то же время он привлек в Варшаву несколько известных казаков, прославившихся во время процесса Хмельницкого, и ночью сносился с ними, подав этим повод к созданию новых легенд. Распространился слух о второй хартии, доводящей число зарегистрированных до 20 000 человек и запрещающей польским войскам переходить линию Белой Церкви. Рассказывали также, что, когда Хмельницкий запрашивал его по поводу его слободы, король дал ему свою собственную саблю и поручил ему употреблять ее в защиту от всех неприятелей, которые встретятся казакам в Украине.

«Запорожские рыцари» знали, что власть государя не в силах поколебать решений законодательного органа республики, и документ, в котором он так необычайно перешел границы своей власти, никогда не был воспроизведен. Что же касается до истории с саблей, то бывший тогда в Варшаве московский агент Кунаков упоминает об этом в своем рапорте, хотя эта история, при ее различных толкованиях, ни в какой версии не является приемлемой. В этом рапорте Владислав представлен рисующим саблю и передающим Хмельницкому это изображение в знак признательности, но тут мы имеем дело просто с отражением какого-либо незначительного обстоятельства.

Более серьезно, хотя и очень безрассудно, король вторично вмешался в это страшное приключение. В марте 1646 года московское посольство сделало ему предложение, несомненно согласовавшееся с его проектом: соединение днепровских казаков с донскими для нападения на Крым и общие действия соединенными армиями обеих стран в случае возникновения из-за этого войны. Хотя переговоры не были еще закончены, но Владислав думал обойтись без этой помощи. Теперь, в июне 1647 года, он поручил собственному посланнику в Москве, Адаму Киселю, подписать формальный союз с царем. Оставив для себя войну с Турцией, он надеялся, что москвитяне не дадут хода крымским татарам. Иннервированный затруднениями, которые ему встречались на пути, снедаемый болезнью, которая вскоре свела его в могилу, он отдался во власть форменных галлюцинаций, мечтая о вмешательстве папы, императора, итальянских и германских принцев, Франции, Испании и Швеции. Доверясь звездам, обещавшим ему через его астролога полную победу, и благоприятной судьбе своей жены, Марии Гонзаго, которой кудесники предсказали наследство Палеологов, он продолжал витать в своих грезах.

На деле все эти события произвели страшный удар по всей Украине, где, переходя от надежд, возбужденных в них государем, к суровому третигованию со стороны сейма, казаки доходили до пароксизма крайнего возбуждения и гнева. Прибыв в страну в августе 1647 года, великий канцлер Польши Георгий Оссолинский пытался успокоить умы. Но тотчас же распространился слух, будто бы он явился, чтобы призвать «запорожских рыцарей» для нападения на турок во главе большой армии, которой будет командовать Хмельницкий!

Настоящая цель этого путешествия канцлера и та роль, которую он в нем играл, остаются довольно загадочными.

По всей вероятности, преданный Владиславу, Оссолинский просто ограничился уверением казаков в том, что король не оставил своего проекта, и это было верно. Смерть единственного сына, последовавшая в это время, только увеличила воинственный пыл несчастного монарха. «Если бы Бог взял его у меня раньше, – говорил он, – я бы не уступил сейму!» Не будучи в состоянии более собрать войска, он пытался получить хотя бы какие-нибудь отряды из Франции или Швеции и отказался ради этого от вмешательства в Вестфальский мир. Он завел переговоры с эмиссарами Греции и Болгарии, даже с марокканским посланником! Но обо всем этом ничего не знали на Украине, и там, напротив, были уверены, будто бы, вступив в открытый конфликт с польскою знатью, король думает призвать под свои знамена до ста тысяч казаков – дошли уже до этой цифры! – в то время как шляхта только и думала о том, чтобы обратить их всех в крестьян, со всею тяжестью барщины. И следовательно, намерение государя состояло в том, чтобы его верноподданные в Украине выступили против польских мятежников, которые шли наперекор его великодушным намерениям и великим проектам. Оттого он и выбрал Хмельницкого, который, побывав жертвою еще более жестокой несправедливости, сумеет, мстя за нее, защитить общее дело.

Вместе со своими товарищами и чигиринский сотник, без сомнения, пережил также момент опьянения этими заманчивыми представлениями, совершенно аналогичными тем, которые и в Москве послужили исходною точкою для некоторых народных движений, и он оказался назначенным принять на себя начальство не над громадной армией, которая не существовала, но над шайкою бунтовщиков, которых легко было соединить на берегах Днепра. Не совсем удачный исход последних восстаний, может быть, еще пока и удержал бы его от выступления, если бы одна мера репрессии, вызванная теми же ложными слухами, не заставила его выбирать между несомненною гибелью и смелою попыткою, на которую он бросился со всеми своими приверженцами.

По доносу, полученному новым коронным генералом, полковник Переяславля Ян Кречковский получил приказание арестовать потерпевшего владельца слободы в Субботове и расстрелять его. Случайно или изменяя приказание, казацкий офицер упустил своего пленника, и Хмельницкий очутился в Сечи. Взрыв приближался.

6. Катастрофа

Беглец, несмотря на уже приобретенную им популярность, встретил сначала в братстве довольно холодный прием.

Близость его с Барабашем, известными своими польскими наклонностями, делала из Хмельницкого лицо подозрительное. Загладив это первое впечатление, он, кажется, не пришел тотчас же к решению, которое должно было привести его так далеко. Несмотря на целый ряд подделок, его корреспонденция с разными высокими лицами республики показывает, что он вначале был озабочен лишь тем, чтобы обеспечить себе милостивое отношение. Он защищается против обвинений в дурных намерениях, прося для себя и для своих товарищей лишь использования «королевской хартии», которая была передана Барабашу. Эта пресловутая хартия представляла собой, надо полагать, письмо Владислава с разрешением казакам строить чайки. Она находилась у Хмельницкого после кражи, о которой имеются разные версии. Имея на Нижнем Днепре дело с людьми, не умевшими читать, он мог объяснить как хотел текст этого документа и придать ему такую важность, что беглеца стали вскоре считать владельцем необыкновенного сокровища. Престиж, полученный им благодаря этому, и искусство, с которым он умел им пользоваться, в конце концов доставили ему титул гетмана всего запорожского войска.

Но пока он все еще не думал поднять знамя восстания. Помимо того, что время было для того неподходящее, новый вождь делал оценку тем средствам, которые он мог найти на месте для подобного предприятия. Предоставленные своим собственным силам в течение двадцати лет, казаки достаточно ясно показали свою беспомощность. Ничто не подтверждает широко распространенного тогда мнения, будто бы Хмельницкий ездил за это время в Крым. Но он употребил несколько зимних месяцев на трудные переговоры, предметом которых являлась поддержка татар. Так как Порта в это время жила в мире с Польшею, хан должен был отказаться, не без сожаления, от выступления в поход своей армии; но в это время несколько польских украинских вельмож устроили набег на его владения и угнали у него много скота, и в виде репрессии хан нашел возможным тогда дать казакам несколько тысяч своих всадников под начальством перекопского мурзы Тухай-бея. Этого только и нужно было Хмельницкому. Он рассчитывал в данном случае не столько на количество этих помощников, сколько на моральный эффект, который должен был произвести самый факт присутствия крымцев как среди его товарищей, так и в рядах его противников. Он не ошибся в расчете, и уже одно это доказывает в нем наличие необходимых для войны данных, хотя он и не обладал большой опытностью и знаниями.

Оно указывает также на отсутствие разборчивости в средствах, и эта черта в дальнейшем только подтверждается начатой таким образом карьерою украинского героя. Но в этом отношении Хмельницкий мог привести пример не одного христианского принца, и на деле этот компрометирующий союз один лишь отличал его предприятие от предприятий, в которых пали Наливайко и Павлюк, и он обеспечивал ему совершенно другой успех. Он, конечно, беспокоил совесть тех, которые им пользовались. Одна украинская легенда говорит о татарине, ударившем в оскверненной церкви саблей образ Богоматери, откуда тотчас потекла ручьями кровь. Но как первые удачные шаги восстания, так и все его дальнейшие перипетии – находились в зависимости от этой помощи. Вначале, кроме того, успех восстания был обусловлен также невероятной неспособностью главного начальства польской армии, представленного в этот критический момент двумя новыми генералами: Николаем Потоцким и Мартином Калиновским.

Находясь на месте, Потоцкий был, конечно, хорошо осведомлен о подготовлявшемся событии. В противоположность Хмельницкому он имел за собою долгое военное прошлое. В шестнадцать лет он уже командовал в 1611 году эскадроном под стенами Смоленска и с тех пор не переставал принимать участие против москвитян и шведов, турок и казаков во всех походах польской армии. Но человек ограниченного ума, распутник и пьяница, он вынес из этой школы одно только крайнее высокомерие. Повинуясь настоятельным советам короля, начавшего, со своей стороны, тревожиться, он должен был разрешить казакам выйти в море, толкнуть их на это дело в случае необходимости. Многие соблазнились бы такой экспедицией, и татары тогда, по мнению короля, не осмелились бы соединиться с другими. Генерал хорошо сделал, что отказался от подобного предприятия. Он был против войны с Турцией, не видя тех средств, которыми можно было бы ее вести, но с имеющимися у него в наличии 15 000 человек он считал себя в силах подавить всякую попытку восстания, быстро двинувшись к устью Днепра.

Это было, конечно, самое разумное. Возмутившиеся казаки только тогда становились опасными, когда врывались в сердце Украины, где к ним присоединялись народные массы. Но выполнение задуманного Потоцким плана явилось шедевром неспособности практического его применения. Вместо того чтобы сконцентрировать свои силы, Потоцкий их разбил на мелкие отряды. Пустив вперед, не сохраняя при этом с ним никакой связи, авангард в шесть тысяч человек, который он поручил своему сыну Стефану, совсем еще молодому человеку, он хотел, чтобы и тот шел двумя отдельными колоннами, одною – по реке, другою – по суше. Но еще большим безумством было составить этот отряд более чем на две трети

из зарегистрированных казаков или из драгун малорусского происхождения под командою того самого Кречковского, который дал убежать Хмельницкому!

В польских армиях, сражавшихся в Украине, эти разнородные формации были обычным явлением; но всегда заботились о том, чтобы размещать особым образом подозрительных лиц. Отсутствие подобной элементарной предосторожности повело на этот раз к последствиям, которые было необходимо предвидеть: при первой же встрече с бандами Хмельницкого зарегистрированные казаки и драгуны той же национальности перешли на сторону неприятеля. Оставшись с несколькими эскадронами, среди которых дикие крики татар: «Алла! Алла!» – возбуждали настоящую панику, молодой Потоцкий был окружен 5 мая 1648 года у притока Днепра, на Желтых Водах, и погиб, найдя свою смерть в битве.

Получив известие об этом поражении, расположившись лагерем у Черкасс с остатками войск, польские генералы стали спорить между собою. Искусно направляемое Хмельницким, татарское пугало дало восторжествовать мысли о быстром отступлении к Корсуню. Между тем со своим огромным лагерем, нагроможденным повозками, в которых начальники эскадронов таскали за собой свое имущество, состоявшее из золотой и серебряной посуды и богатой мебели, Потоцкий попал в настоящий капкан с оврагом позади и с горою впереди себя. При появлении казаков три тысячи драгун последовали примеру их братьев по оружию, и 16 мая на месте, до сих пор еще пользующемся печальною известностью в польских анналах под названием Крутая Балка, оба генерала, даже без сражения, очутились пленниками вместе со своими войсками.

Никогда еще страна их не подвергалась подобному унижению и не получала такого жестокого удара. В Цекоре Жолкевский погиб, сражаясь один против десяти, а его победители наводили теперь ужас на всю Европу. Ничто в прошлом гордой и славной нации не могло сравниться с этим отступлением, перешедшим в настоящее бегство перед отрядом казаков и татар, причем сдача, передавая в руки победителей весь генеральный штаб республики, состоялась без боя. Вместе с ним пал и престиж страны к ногам шайки проходивцев и разбойников!

Но это было еще далеко не все! Республика смогла бы найти другие войска, и для нее не представляло особого труда заменить взятых в плен генералов лучшими. Но страшная и непоправимая катастрофа придала совершенно новое значение, благодаря событиям 4 и 16 мая, только начинавшейся борьбе и человеку, начавшему свою карьеру такую беспрецедентною победою. До того Хмельницкий являлся лишь вторым Наливайко, вторым Павлюком, т. е. просто являлся в потенции будущей добычей для варшавских палачей. Он вырос, внезапно сделавшись существом сверхъестественным, отмеченным судьбою, призванным победою сыграть исключительную роль. А за ним, уже давно рвущаяся, но сдерживаемая ценою неустанных усилий, разве не должна была вся Украина проявить себя неизбежно в обновленном виде, возбужденною до последней степени, толкаемою всеми своими революционными элементами, которых уже не в силах была сдержать никакая человеческая сила?

И это было еще не все. Как бы в довершение несчастья, нужно было еще, чтобы в этот момент Польша, очутившись перед этим страшным испытанием, осталась без главы. Уже больной, глубоко опечаленный поражением при Желтых Водах, Владислав умер 20 мая. Наступило междуцарствие со всем тем беспорядком и сумбуром, какие эти кризисы вносили в хаотическое управление странюю.

Если бы король пережил катастрофу, ему, быть может, удалось бы спасти страну от ее последствий. Он был король, а этот титул внушал еще некоторое уважение даже в Украине. Хмельницкому, с другой стороны, было довольно трудно удержаться на уровне своей удивительной победы. Он, казалось, был подавлен ею. Отправившись в Белую Церковь, он опубликовал там манифест. Подлинник его не был найден, но смысл его, как он выясняется из более или менее точной передачи, сбил с толку самых его решительных защитников. Автор

манифеста, призывая весь украинский народ присоединиться к его войску, вопреки всякой очевидности упрекает поляков в обращении в пустыню страны, которую они на деле колонизировали, и с большим успехом, как известно; желая показать свою эрудицию, атаман объявляет поляков происшедшими от русских, но отделившимися от них по злобе; он говорит о русских, поселившихся на острове Рюгене и победивших Рим под начальством не менее выдуманного вождя, по имени Одоначер: прецедент, который должен побудить казаков захватить хотя бы Варшаву!

Победитель при Желтых Водах и Крутой Балке, без сомнения, не самолично выдумал этот плод кропотливых трудов. В нем угадываешь работу какого-нибудь невежественного и глупого писаря из его свиты. Выдав его за свой собственный, Хмельницкий в нем, как и в других своих начинаниях, проявляет крайнюю спутанность мыслей: все дальнейшие действия его носят характер непоследовательности и крайней скудости ума. В своем письме от 13 и 14 мая к палатину Брацлава, Киселю, и к князю Доминику Заславскому, одному из местных крупных вельмож, он пишет, что сам удручен всем происшедшим, заявляет, что невинен в пролитой крови, и сваливает всю ответственность на великого генерала Польши, напавшего на казаков. Но вскоре после этого он вступает также в переписку с немецким начальником польского гарнизона Замостья Вайгером, убеждая его сдать доверенную ему крепость, а 4 июня Хмельницкий пишет уже Алексею, сообщая ему о своих победах и намекая на то, что казаки желают быть управляемыми таким государем, как он, и приглашая его также напасть на Польшу.

Таким ему пришлось остаться навсегда, нерешительным в выборе дороги, по которой он должен был следовать, неспособным выполнить точно определенную программу действий, дать какой-либо идеал народу, отданному в его распоряжение благодаря победе. Подчиняясь грубому влиянию элементарных, возбужденных им сил, он был бессознательным работником в деле, ускользавшем из его рук, благодаря его колеблющейся воле и недостаточно ясному пониманию.

Глава III

Вмешательство Москвы

1. Страшный год

Какого же результата добивался Хмельницкий своим манифестом? Хорошо известная ему, без сомнения, история неоднократных призывов к оружию в стране с начала века не могла оставить его так же в неведении по поводу ужасающего взрыва диких страстей, который должен был неизбежно вызвать его манифест. С начала года новости, получавшиеся из Польши, наполняли всю Европу ожиданием сенсационных событий, которые должны были, казалось, завтра разыграться. «В Торне... видно было даже в воздухе изображение двух больших армий», – читаем мы в «Газет де Франс» от 10 февраля 1648 года. Народное воображение воспроизводило таким образом столкновение одной части христианства с мусульманским миром. Отвечая на призыв своего нового вождя, Украина противопоставила этому химерическому видению действительность более реальную и гораздо более страшную.

Казацкие восстания обычно сопровождалось народными, хотя и местными; но на этот раз с одного конца страны до другого поднялись массою крестьяне и бродяги всякого рода, подобно огромной волне, захлестнувшей «запорожских рыцарей» и самого их начальника. Уже повсюду польские колонны бежали пред бурей «с одною только душою», по выражению современника. Но и с этим несложным багажом бегство было не всегда возможно. Каждая деревня делалась западней, не было ни одной узкой тропинки, где бы не скрывалась засада. Оставив свои жилища, очень быстро разоренные или сожженные, мелкое дворянство искало убежища в крепких замках крупных вельмож, но восстание быстро захватывало и последние. Слуги, по большей части русинского происхождения, накладывали руки на своих господ, и начались убийства, сопровождавшиеся самою утонченною жестокостью. Несчастных раздавливали между двумя досками, выкалывали им глаза буравами, насиловали жен и дочерей на глазах у мужей и отцов, которых оставляли еще для других пыток. За убийством следовала оргия, мешавшая вино и водку с пролитой кровью, самое гнусное пьянство при агонии жертв. Задушив Януса Четвертинского, одного из редких магнатов, оставшихся верными православной церкви, глава шайки, Остап Павлюк, торжественно женился на княгине, которую он принудил потом отдаться заботам о его деревенском хозяйстве.

Из деревень ураган перенесся в города, захваченные в свою очередь, и хотя их граждане были по большей части русинами и православными, но и они не находили себе пощады. Польского костюма, принятого у большинства ремесленников, было достаточно, чтобы осудить на смерть. Низший православный клир лишь поощрял или помогал «мстителям», обращая их гнев главным образом на католические церкви, где они охотно «работали», грабя священные сосуды и украшения, убивая священников, оскверняя монахинь у подножия алтарей. Но больше всего досталось евреям. Брошюра того времени, написанная евреем Массулой, содержит на этот счет подробности, ужас которых, почти невероятный, подтверждается другими достоверными документами. Сыновей Израиля сжигали живьем, их тела отдавали на съедение собакам, сдирали с них кожу и живыми зарывали в землю. Разрезали животы беременным женщинам и их недоношенные плоды бросали в нечистые места, или зашивали кошек в их разрезанный живот, и если несчастные пытались прорвать шитье, чтобы положить конец своим мукам, им отрезали руки.

Среди общего смятения восстание распространилось до Бреста с одной стороны, до Лемберга с другой, из Варшавы даже вельможи уезжали по Висле, увозя в Данциг свое

имущество. Лишь один из видных колонизаторов Украины, владелец больших поместий по обоим берегам Днепра, князь Янус Висьневецкий, молодой человек двадцати трех лет, осмелелся противостоять урагану. Соединив вокруг себя несколько других дворян, слабо ему, впрочем, помогавших, он все же не мог думать о том, чтобы напасть на Хмельницкого, а, сражаясь с отдельными шайками, из которых особенно отличался своею неустрашимостью и жестокостью Кривонос, проделывавший прямо чудеса храбрости, он только разменивался на бесполезные репрессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.